

Нора Робертс

НОВИНКА
от автора
мировых
бестселлеров

Наследие

Нора Робертс. Мега-звезда
современной прозы. Новое оформление

Нора Робертс
Наследие

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Робертс Н.

Наследие / Н. Робертс — «Эксмо», 2021 — (Нора Робертс. Мегазвезда современной прозы. Новое оформление)

ISBN 978-5-04-194691-3

Роман легендарной Норы Робертс, автора мировых бестселлеров. Суммарный тираж книг Норы Робертс превысил 500 млн экземпляров. Ее романы переведены на 35 языков мира. Каждую минуту на планете продается 27 экземпляров книг Норы Робертс. Эдриен Риццо было семь лет, когда она впервые встретила своего отца. Это был тот день, когда он чуть не убил ее, но вмешалась мать девочки, Лина. Вскоре после этого Эдриен отвезли в дом бабушки и дедушки, где она провела долгое лето. Лина тем временем путешествовала по стране, превращая свой фитнес-бренд в миллиардный бизнес. Прошло десять лет, и Эдриен стала такой же хладнокровной и амбициозной, как ее мать. Они не близки, но в один день все меняется. В тот день, когда Эдриен начинает получать угрозы убийством.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-194691-3

© Робертс Н., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	52
Глава 7	61
Глава 8	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Нора Робертс

Наследие

Все лица и события вымышлены, любые совпадения являются случайными

Nora Roberts
LEGACY

Copyright © Nora Roberts, 2021
This edition published by arrangement
with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Михаила Левина*

© Левин М., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Часть первая Честолюбие

*Подлинное и законное оправдание честолюбию есть возможность
делать добро.*
Фрэнсис Бэкон

Глава 1

Джорджтаун

В первый раз Эдриен Риццо увидела своего отца, когда он попытался ее убить.

Ей было семь лет, и ее мир состоял в основном из переездов. Обычно они с матерью – и с Мими, которая за ними обеими присматривала, – жили в Нью-Йорке, но иногда на несколько недель останавливались в Лос-Анджелесе, в Чикаго или в Майами.

Летом надо было навещать бабушку с дедушкой в Мэриленде – приезжать как минимум на две недели. Для Эдриен это было самое веселое время, потому что там были собаки и большой двор, идеально подходящий для игр, и покрывало на веревке, на которой можно качаться.

В Манхэттене Эдриен ходила в школу, и это было неплохо. Еще она ходила на танцы и на гимнастику, и это было даже лучше школы.

Когда они путешествовали вместе с мамой по работе, Мими учила Эдриен, потому что девочка должна быть образованной. Так Эдриен узнавала о городах, где они бывали. Как-то они провели целый месяц в Вашингтоне, и тогда ее школьная программа включала посещение памятников, экскурсию по Белому дому и поход в Смитсоновский музей.

Иногда Эдриен ходила с мамой на работу, и это ей очень нравилось. Когда же приходилось работать в каком-нибудь из маминых фитнес-видео, надо было учиться этим действиям – вроде кардиотанца или асан-йоги.

Эдриен любила учиться и любила танцевать.

В пять лет они с мамой записали целое видео – для детей и их родителей. На тему йоги, конечно, потому что она ведь и была йога-ребенком в маминой компании «Йога-беби». Ее наполняли гордостью и радостью слова матери, что они еще один такой ролик сделают. Может быть, когда ей будет десять – в расчете на ту возрастную группу.

Мама все знала о возрастных группах, о демографии и прочих подобных вещах. Эдриен слышала, как она разговаривает об этом со своим менеджером и своими продюсерами.

Мама много чего знала и про фитнес, про связь ума и тела, про питание и медитацию и все такое.

Она не умела готовить – так, как Поупи и Нонна, владельцы ресторана. Не любила играть в игры, как Мими, – потому что была очень занята выстраиванием своей карьеры.

У нее все время были совещания, и репетиции, и планерки, и выступления, и интервью.

Уже в семь Эдриен поняла, что Лина Риццо очень многого не знает о том, как быть мамой.

Но она не возражала, когда Эдриен играла с ее косметикой – при условии, что потом все положит на место. И никогда не злилась, если они отработывали что-то и Эдриен ошибалась.

В этот раз, когда мама закончила все съемки, дала все интервью и провела все совещания, надо было не лететь в Нью-Йорк, а ехать в гости к бабушке и дедушке на длинный уик-энд.

У Эдриен были планы: уговорить затянуть это дело на неделю, но сейчас она сидела на полу в дверях и смотрела, как мама создает очередную программу.

Лина выбрала этот дом, потому что здесь был спортзал с зеркальными стенами – это было для нее не менее важно, чем количество спален.

Она делала приседания и растяжки, подъем колена – Эдриен знала все названия упражнений. А еще Лина разговаривала с зеркалами – своими зрителями, – поправляя, поощряя.

Иногда она произносила какое-нибудь нехорошее слово и начинала упражнение сначала.

Эдриен думала, что мама красива, как блестящая от пота принцесса, красива даже без косметики – тут не было людей с камерами. У нее были глаза зеленые, как у Нонны, а кожа будто после солнечных ванн – хотя их и не было. А волосы – убранные сейчас в тугий хвост на затылке, – как каштаны, которые продаются на Рождество в пакетах, теплые и ароматные.

Мама была высокая – ну, не такая, как Поупи, – и Эдриен надеялась, что тоже вырастет.

На ней сейчас были облегающие шорты и спортивный топ – конечно, для видео- или фотосъемки она не надела бы такой откровенный наряд, потому что, говорила Лина, это не есть хороший тон.

Эдриен с детства учили уделять физическому развитию не меньше внимания, чем умственному, и следить за своим здоровьем. И она видела, что у мамы разум и тело одинаково гибки, а еще видела, какая у нее мама красивая и собранная.

Что-то приговаривая себе под нос, Лина подошла сделать пару записей – Эдриен знала, что это будет план для нового видеоролика. В этом вот будут три части – кардио, силовая тренировка и йога, все по тридцать минут, и бонусом – пятнадцатиминутная экспресс-секция для разминки всего тела.

Схватив полотенце, Лина промокнула пот с лица и тут заметила дочь.

– Эдриен, черт побери! Ты меня напугала. Я не знала, что ты здесь. Где Мими?

– На кухне. У нас на ужин будет курица с рисом и спаржа.

– Отлично. Пошла бы ей помогла, что ли? Мне надо в душ.

– А почему ты сердитая?

– Я не сердитая.

– Ты сердилась, когда говорила по телефону с Гарри. Ты орала, что никому не рассказывала, тем более какому-то – очень плохое слово – репортеру из таблоида.

Лина сдернула резинку с волос – обычно она так делала, если у нее болела голова.

– Нельзя подслушивать чужие разговоры.

– Я не *слушала*, я *услышала*. Ты злишься на Гарри?

Мамин пиарщик Эдриен очень нравился. Он ей подкидывал пакетики конфет и рассказывал смешные шутки.

– Нет, я не злюсь на Гарри. Пойди помоги Мими. Скажи ей, что я спущусь через полчаса.

А все же она сердится, подумала Эдриен, когда мама вышла. Пусть не на Гарри, но на кого-то сердится: она кучу ошибок сделала в упражнениях и сказала много плохих слов.

Вообще мама редко делает ошибки.

А может быть, у нее просто болит голова. Мими говорила, что у людей иногда болит голова, если они слишком много переживают.

Эдриен встала с пола. Но помогать готовить ужин ей было скучно, и она пошла в зал для фитнеса. Остановилась перед зеркалами. Высокая для своего возраста девочка, курчавые волосы – черные, как когда-то были у бабушки, – выбиваются из-под зеленой резинки. Глаза слишком золотистые, чтобы считать их по-настоящему зелеными, как у мамы, но Эдриен надеялась, что они еще поменяют цвет.

В розовых шортах и футболке с цветочками она приняла позу. Включила в голове музыку и стала танцевать.

Она любила уроки танцев и уроки гимнастики, когда они с мамой жили в Нью-Йорке, но сейчас она была не ученицей, а инструктором.

Она вертелась, выбрасывала ноги, ходила колесом, садилась на шпагат. Скрестный шаг, сальса, прыжок – импровизируя на ходу.

Так она резвилась минут двадцать. Последние двадцать минут безмятежной жизни.

А потом кто-то позвонил в дверь. Нажал кнопку и не отпустил.

Этот злобный звук она никогда не забудет.

Ей дверь открывать не полагалось, но это не значило, что смотреть нельзя. Вот она и вышла в гостиную, потом в прихожую, куда вышла из кухни Мими.

Мими на ходу вытирала руки ярко-красным полотенцем, торопясь к двери.

– Господи боже, зачем так трезвонить? Где пожар?

Темно-карими глазами она глянула на Эдриен, заткнула полотенце за пояс джинсов.

Потом эта маленькая женщина с мощным голосом крикнула:

– Придержите коней, черт вас побери!

Эдриен знала, что Мими – мамина ровесница, потому что они вместе в колледже учились.

– Что стряслось? – рявкнула она, поворачивая рукоятку замка и открывая дверь.

И Эдриен увидела, как на лице у Мими раздражение – ну, как если Эдриен не убрала свою комнату – сменяется испугом.

А дальше все произошло очень быстро.

Мими попыталась захлопнуть дверь, но этот человек ее распахнул и толкнул Мими внутрь. Он был очень большой, куда больше, чем она. Коротенькая борода с сединой, в волосах седины побольше – как серебряные крылья на золоте, красное, как после долгого бега, лицо. Эдриен, увидев, как этот огромный человек толкнул Мими, застыла на месте от потрясения.

– Где эта сука?

– Ее здесь нет. И незачем сюда вламываться, убирайся. Или ты уйдешь, Джон, или я полицию вызову.

– Врешь, гадина! – Он схватил Мими за плечо и встряхнул. – Где она? Отвечай! Эта тварь думает, что может своей поганой пастью губить мне жизнь?

– Убери руки, ты пьян!

Она попыталась освободиться – он ударил ее по лицу наотмашь. Звук удара отдался в голове у Эдриен выстрелом, и она бросилась вперед:

– Не смей ее бить! Оставь ее!

– Эдриен, иди наверх! Немедленно.

Но Эдриен упрямо сжала кулачки:

– Он должен уйти!

– Ради вот этого? – взревел этот человек, выверившись на Эдриен. – Вот ради этого она мне ломает жизнь, черт бы ее побрал? Ни капли на меня не похожа. Давала всем подряд, а теперь на меня хочет повесить своего ублюдка. Хрен вот! И ей хрен!

– Эдриен, наверх! – Мими резко к ней развернулась, и Эдриен увидела, что Мими не злится – как злилась она. На ее лице был страх. – Немедленно!

– Значит, эта сука наверху, да? А ты мне врешь? Ну так вот тебе за это.

На этот раз он не дал пощечину, а ударил кулаком. Раз и еще раз. В лицо.

Мими рухнула на пол, и ее страх словно бы волной докатился до Эдриен. На помощь. Надо звать на помощь.

Но этот человек поймал ее на лестнице, дернул голову назад, ухватив за курчавый хвост.

Эдриен закричала, зовя мать.

– Правильно, зови мамочку. – Он дал ей пощечину, и лицо вспыхнуло болью. – Нам с мамочкой поговорить надо.

Он потащил ее вверх по лестнице, и Лина выбежала из спальни в халате, с мокрыми после душа волосами:

– Эдриен Риццо! Это что еще за...

Она осеклась, остановилась как вкопанная. Она и этот человек не сводили друг с друга глаз.

– Отпусти ее, Джон. Отпусти, и тогда мы поговорим.

– Ты уже поговорила. Ты, дура деревенская, ты мне жизнь поломала!

– Я не говорила о тебе с тем репортером. И ни с кем вообще. Это не от меня пошло.

– Врешь!

Он снова дернул Эдриен за волосы, да так, что голову обожгло огнем.

Лина сделала два осторожных шага вперед.

– Отпусти ее, и мы все это выясним. Все еще можно исправить.

– Исправить, блин? Университет со мной разорвал контракт, жена просто не в себе. Дети – а что вот этот твой ублюдок от меня, я ни на секунду не верю, – в слезах. Ты нарочно приехала сюда, в *мой* город, чтобы это устроить.

– Джон, нет. Я приехала работать. С тем репортером я не говорила. Семь лет прошло, как все кончилось, зачем бы мне это? Вообще зачем? Ты делаешь больно моей дочери. Перестань.

– Он побил Мими! – Эдриен слышала запах маминого геля для душа и шампуня – тонкая сладость цветков апельсина. И вонь от этого человека – она не знала, что это пот и «бурбон». – Он ее ударил в лицо, и она упала.

– Ты что сде... – Лина отвела от него взгляд, глянула через перила, идущие вдоль второго этажа. Увидела Мими с окровавленным лицом, прячущуюся за диваном. И снова посмотрела на Джона. – Джон, прекрати это, пока никто не пострадал. Дай я...

– Никто?! Я пострадал, ты, сука!

Голос его звучал таким же докрасна раскаленным, каким было лицо, как тот огонь, что жег Эдриен голову.

– Мне жаль, что так вышло, но...

– Моя семья пострадала! Никто не пострадал, говоришь? Ну так пострадает. Начнем с твоего ублюдка.

Он отшвырнул Эдриен. Та почувствовала, что летит, коротко и страшно, и ударилась о край верхней ступеньки. Огонь, охватывавший голову, теперь вспыхнул в запястье, в кисти, полыхнул вверх до плеча. Потом голова ударилась о дерево, и Эдриен только видела, как он бросился к матери.

И стал ее бить, бить, но мать била его в ответ руками и ногами. И звуки, звуки, такие ужасные, что хотелось закрыть уши, но Эдриен не могла шевельнуться, только могла прижиматься к ступеням и дрожать всем телом.

Даже когда мать ей крикнула убежать, она не смогла сдвинуться с места.

Этот человек схватил мать за горло, стал ее трясти, потом ударил маму в лицо, как раньше Мими.

И кровь, кровь, на маме, на этом человеке.

Они держали друг друга, почти как будто обнимались, но с силой и со злостью. Потом мать ударила его сверху по ноге, вздернула колено вверх. И он отшатнулся, а она толкнула.

Он ударился о перила. А потом полетел.

Эдриен видела, как он падает, как машут на лету его руки. Видела, как он рухнул на стол, куда мама обычно ставила цветы и свечи. Услышала жуткий хруст. Увидела кровь, хлынувшую из головы, из ушей, из носа.

Увидела, как...

Тут мама подняла ее, повернула, прижала лицом к своей груди.

– Эдриен, не смотри. Теперь все в порядке.

– Больно.

– Я знаю. – Лина осторожно взяла в ладонь больную руку Эдриен. – Мы это вылечим. Мими! Ох, Мими...

– Полиция уже едет. – Глаз у Мими распух, наполовину закрытый, и наливался чернотой. Мими покачнулась, потом села, обняла их обоих. – Едет помощь.

Поверх головы Эдриен она одними губами, беззвучно сказала:

– *Он мертв.*

Эдриен всегда будет помнить эту боль и спокойные синие глаза парамедика, который фиксировал ей перелом косточки в запястье. У него и голос был спокойный, когда он светил ей в глаза фонариком, когда спрашивал, сколько пальцев ей показывает.

Она всегда будет помнить полицейских – первых, которые вошли, когда перестали завывать сирены. Они были в темно-синей форме.

Но все остальное, происходившее в тот же момент, казалось размытым и далеким.

Они сидели в гостиной второго этажа, где окна выходят на задний двор с карповым прудиком. В основном полицейские в форме говорили с мамой, потому что Мими повезли в больницу.

Мама им сообщила имя этого человека – Джонатан Беннетт, и что он – профессор английской литературы в университете Джорджтауна. Или был им, когда она его знала.

Мама рассказала, что случилось – то есть начала рассказывать.

Тут вошли мужчина и женщина. Мужчина был по-настоящему высокий, и у него был коричневый галстук. Кожа была тоже коричневая, но потемнее, а зубы – очень белые. У женщины были рыжие волосы, коротко стриженные, и веснушки на все лицо.

И бейджи у них были – как по телевизору показывают.

– Миз Риццо, я детектив Райли, а это мой напарник, детектив Кэннон. – Женщина показала бейдж и прицепила его обратно. – Мы понимаем, что это трудно, но нам нужно задать вам и вашей дочери несколько вопросов. – Она улыбнулась девочке: – Тебя ведь зовут Эдриен?

Эдриен кивнула, и Райли снова обратилась к Лине:

– Вы не возражаете, если Эдриен мне покажет свою комнату, и мы с ней там немножко поговорим, пока вы будете беседовать с детективом Кэнноном?

– Так будет быстрее? Мою подругу – няню моей дочери – увезли в больницу. Сломанный нос, сотрясение. А у Эдриен парамедик нашел на левом запястье перелом с угловой деформацией, и еще она головой ударилась.

– У вас тоже вид слегка потрепанный, – заметил Кэннон, и Лина *пожала плечами*, вздрогнув от этого движения.

– Побитые ребра заживут, и лицо тоже. Он в основном бил в лицо.

– Мы можем отвезти вас в больницу прямо сейчас, а поговорить после вашего свидания с доктором.

– Лучше я поеду, когда... вы там внизу закончите.

– Понимаю. – Райли снова посмотрела на Эдриен. – Ты не против поговорить у тебя в комнате, Эдриен?

– Допустим. – Она встала, прижимая к груди руку на перевязи. – Я вам не дам увезти маму в тюрьму.

– Эдриен, не говори глупостей.

Эдриен, будто не слыша, глядела Райли прямо в глаза. Они были зеленые, но светлее маминых.

– Не дам.

– Поняла. Но мы только с тобой поговорим, окей? Твоя комната здесь?

– Вторая дверь справа, – сказала Лина. – Давай, Эдриен, иди с детективом Райли. А потом поедем проведать Мими. Все будет хорошо.

Эдриен пошла впереди. Райли, входя в комнату в приглушенно-розовых и весенне-зеленых тонах, снова надела дежурную улыбку. На кровати лежала большая мягкая игрушка – собака.

– Какая просторная комната! И какая убранная.

– Мне пришлось ее убрать сегодня утром, иначе никаких поездок к цветущим вишням и никакого мороженого. – Она вздрогнула, совсем как Лина. – Про мороженое никому не говорите. Нам полагается есть замороженный йогурт.

– Наша тайна. Мама строго следит, что ты ешь?

– Иногда. В основном. – На глазах Эдриен блеснули слезы. – А Мими тоже умрет, как тот человек?

– Ей досталось, но это не опасно. И я знаю, что ее хорошо лечат. Можем мы вот тут присесть рядом с этим другом? – Райли села на край кровати, потрепала собаку по загривку. – Как этого пса зовут?

– Баркли. Мне его Гарри подарил на Рождество. Настоящую собаку мы завести не можем, потому что живем в Нью-Йорке и слишком много ездим.

– Он совсем как настоящая собака. Ты можешь нам с Баркли рассказать, что случилось? И тут полилось, как плотину прорвало.

– Этот человек пришел к двери, он звонил, звонил, и я вышла посмотреть. Мне нельзя самой открывать дверь, и я стала ждать Мими. Она вышла из кухни и открыла, потом хотела ее обратно закрыть, сразу же, а он толкнул, и открыл, и Мими толкнул. Чуть не сшиб с ног.

– Ты его узнала?

– Н-нет, но Мими узнала, она его назвала Джоном и сказала, чтобы он уходил. А он был сердитый, орал и говорил плохие слова. Мне их говорить нельзя.

– И не надо. – Райли продолжала гладить Баркли, как настоящую собаку. – Я примерно понимаю.

– Он хотел видеть маму, а Мими сказала, что ее нет дома, хотя на самом деле она была. Она наверху была в душе. А он орал и ударил ее по лицу ладонью. А это нельзя. Бить человека по лицу – плохо.

– Он поступил плохо.

– Я на него закричала, чтобы не трогал ее, потому что он хватал ее за руки и ей было больно. И он тогда на меня посмотрел – раньше он меня никогда не видел, но посмотрел, и мне страшно стало, как он посмотрел. Но он мучил Мими, и я рассердилась. Мими сказала идти наверх, то есть мне сказала, а он ее держал. А потом он... он ее ударил. Кулаком. – Эдриен показала здоровой рукой, и у нее слезы потекли по щекам. – И была кровь, и она упала, а я побежала, я хотела побежать к маме, а он меня поймал. И дернул за волосы, очень сильно, и я головой стукнулась, а он меня тащил по лестнице и орал, маму звал.

– Хочешь передохнуть, лапонька? Можем потом закончить.

– Нет. Нет. Мама выбежала и его увидела. И она стала говорить, чтобы он отпустил меня, а он держал. Он все твердил, что она ему жизнь поломала, и много говорил плохих слов. Очень плохих, а она говорила, что не рассказывала ничего и никому и что все можно наладить, только чтобы он меня отпустил. А мне было больно, и он меня называл плохими словами, а потом... потом он меня бросил.

– Бросил?

– На лестницу. Бросил на лестницу, я стукнулась, и руку тут же стало жечь, и я головой стукнулась, но далеко по лестнице не упала. Ступеньки две, наверное. И мама на него заорала, и побежала к нему, и стала с ним драться. Он ее ударил в лицо, и руки вот так сделал...

Она изобразила удушение.

– Я не могла двигаться, а он ее бил в лицо. Но она ударила его тоже, сильно ударила, и ногой ударила, и они все дрались, а потом... потом он упал через перила. Она его оттолкнула,

чтобы бежать ко мне. У нее лицо было в крови, и она его толкнула, и он полетел через перила. Это он был виноват.

– Окей.

– Мими вскарабкалась по лестнице, а мама меня уже обнимала, и Мими сказала, что помощь едет. И все были в крови. Меня никто никогда раньше не бил. Мне очень противно, что он мой отец.

– Откуда ты это знаешь?

– А он так орал, когда меня обзывал. Я же не дура. И он преподает в колледже, где мама училась, а она мне говорила, что с моим отцом познакомилась в колледже. Ну и вот. – Эдриен приподняла плечи. – Он всех побил, и от него плохо пахло, и он хотел меня с лестницы бросить. И сам упал, потому что был злой.

Райли обняла Эдриен за плечи и подумала, что это все похоже на правду.

Мими продержали в больнице сутки. Лина купила в больничном магазине цветы – лучшие, которые смогла найти, – чтобы поставили ей в палату. Эдриен сделали первый в ее жизни рентген и, когда отек спал, наложили первый в ее жизни гипс.

Не пытаясь выполнить планы Мими на ужин, Лина заказала пиццу.

Видит бог, ребенок ее заслужил. Как и она заслужила большой, по-настоящему большой бокал вина.

Сперва один, а пока Эдриен ела, нарушила свое давнее правило и налила второй.

Надо было звонить в миллион мест, но это могло подождать. Все, черт побери, подождет, пока она придет в себя.

Они ели на заднем дворе, под тенистыми деревьями, за надежной изгородью. То есть ела Эдриен, а Лина пощипывала ломтик в перерывах между глотками вина.

Может быть, сейчас на улице холодновато для ужина на открытом воздухе, и довольно поздно, чтобы давать Эдриен набивать пузо пиццей, но плохой день – это плохой день.

Лина надеялась, что дочь пойдет спать, но должна была признаться, что несколько плачет насчет ритуала укладывания. Этим занималась Мими.

Может быть, ванна с пеной – только надо не замочить временный гипс. Мысль о гипсе и о том, насколько хуже все могло обернуться, снова потянула ее приложиться к бокалу.

Но Лина устояла. Самодисциплина у нее всегда была на высоте.

– Почему он стал моим отцом?

Лина посмотрела, встретила взгляд внимательных золотисто-зеленых глаз.

– Потому что я была молода и глупа. Прости. Сказала бы, что сейчас жалею об этом, но ведь тогда и тебя бы не было. Прошлого не исправить – только настоящее и будущее.

– А он получше был, когда ты была молодая и глупая?

Лина засмеялась, и ребра тотчас же болезненно отозвались. Вот интересно, сколько можно рассказать семилетнему ребенку?

– Я думала, что да.

– А раньше он тебя бил?

– Один раз. И только один раз, а после этого я уже его никогда, никогда не видела. Если мужчина тебя один раз ударил, он наверняка ударит тебя еще и еще.

– Ты раньше говорила, что любила моего папу, но не получилось, и он нас не хотел, так что сейчас нам до него нет дела.

– Я думала, что любила его. Я должна была это сказать. Мне было всего двадцать, Эдриен. А он был старше, он был красив и умен. Молодой профессор. Я влюбилась в тот образ, который в нем видела. А потом, между тогда и теперь, нам до него не было дела.

– А почему он сегодня был так зол?

– Потому что кто-то, репортер какой-то, это пронюхал и написал. Не знаю, как и кто ему сказал. Я не говорила.

– Потому что нам до него не было дела?

– Совершенно верно.

«Сколько же рассказывать? – снова подумала Лина. – Учитывая обстоятельства, может быть, все до конца».

– Он был женат, Эдриен. У него была жена и двое детей. Я не знала. То есть он мне врал и говорил, что они разводятся. Я ему поверила.

«Правда поверила? Сейчас уже не вспомнить».

– Может быть, мне хотелось поверить, но я поверила. У него была своя квартирка недалеко от колледжа, и я верила, что он на самом деле свободен. Потом я узнала, что врал он не только мне. Когда я узнала правду, то все это прекратила. А ему было, в общем, наплевать.

«Не совсем правда. Орал, грозил, толкался».

– Потом я поняла, что беременна. И потом, уже много позже, я почувствовала, что типа должна ему сказать. Вот тогда он меня и ударил. И он не был пьян, как сегодня.

«Немножко он выпил, но пьян не был. Не так, как сегодня».

– Я ему сказала, что ничего от него не хочу, ни в чем от него не нуждаюсь и не стану себя унижать, рассказывая кому бы то ни было, что он – биологический отец моего ребенка. И ушла.

Лина опустила все угрозы, все требования избавиться от *этого* и прочие мерзости. Смысла нет.

– Я закончила курс, получила диплом и уехала домой. Поупи и Нонна мне помогли. Остальное ты знаешь – как я начала давать уроки, делать видео, когда была тобой беременна, – уроки для беременных, а потом для мам с младенцами.

– «Йога-беби»!

– Именно.

– Но он всегда был злой. Это значит, что я тоже буду злая?

Черт побери, как трудны эти мамские штуки! Она попыталась сообразить, как бы поступила ее собственная мать.

– Ты злишься?

– Иногда.

– А ну-ка, расскажи! – Но Лина улыбалась. – Чтобы быть злым, нужно захотеть быть злым, а я не думаю, что это про тебя. И он был прав, когда сказал, что ты на него не похожа. Ты слишком Риццо для этого.

Лина потянулась через стол и взяла Эдриен за здоровую руку. Может быть, слишком взрослый получался разговор, но это было лучшее, на что она способна.

– Для нас он ничего не значит, Эдриен, пока мы сами не придаем ему значения. Значит, мы этого значения придавать не будем.

– А тебе придется сесть в тюрьму?

Лина подняла бокал, приветствуя ее:

– Ты же обещала, что не дашь? Помнишь? – Но увидела, что в глазах дочери мелькнул страх и она сжала руку матери. – Шучу, шучу. Нет, Эдриен. Полицейские поняли, что тут случилось. Ты же правду рассказала детективам?

– Правду, честное слово!

– И я тоже. И Мими. Так что выбрось это из головы. Что будет на самом деле – так это то, что раз была статья в газете и вот это случилось, то будут еще и еще статьи. Я вскоре поговорю с Гарри, и он мне поможет с этим разобраться.

– А мы сможем поехать к Поупи и Нонне?

– Да. Как только Мими станет лучше, как только тебе снимут гипс, как только я тут кое с чем разберусь, мы туда поедем.

– Скоро, да? Скоро?

– Как только сможем. Несколько дней, может быть.

– Да, это скоро. А там все наладится.

«Много времени пройдет, пока все наладится», – подумала Лина. Но допив вино, подтвердила:

– Абсолютно верно.

Глава 2

Карьера Лины возникла из-за незапланированной беременности. Через несколько месяцев она, вчерашняя студентка, подрабатывающая тренером или групповым инструктором по фитнесу, уверенно вошла в мир видеофитнеса.

Зеленые ростки из-под земли пробиваются не сразу, но целеустремленность, упорство и отлично приспособленная для бизнеса голова помогли им вырасти и дать плоды.

За несколько месяцев до того, как в дверь вломился Джон Беннетт, карьера Лины расцвела полностью. Продажи «Йога-беби» – видео, дивиди, личные выступления, книга (уже готовилась следующая) – дали за два миллиона прибыли.

Привлекательная, живая и остроумная, она создавала множество утренних передач, а потом и вечерних выступлений. Она писала статьи в журналы фитнеса – и увеличивала их продажи, сопровождая материалы фотографиями. Высокая, со спортивным телом, она умела использовать свои преимущества и даже пару раз отхватила себе яркий эпизод в сетевых сериалах.

Лина любила внимание публики. Оно ее не смущало, и не смущали собственные честолюбивые цели. Она полностью, до конца верила в свой продукт – здоровье, фитнес, уравновешенность – и полностью, до конца верила, что именно ей лучше всего этот продукт продвигать.

Усердная работа не представляла для нее трудности. Она расцветала от работы, от поездок, от забитого под завязку расписания, от возникающих на этом фоне новых планов.

Она запускала линейку оборудования для фитнеса и планировала выпускать биодобавки – в консультации с нутриционистом и врачом.

А человека, который ненамеренно направил ее жизнь на этот путь, она толкнула навстречу смерти.

Самозащита. У полиции немного времени ушло на то, чтобы сделать вывод: она действовала в пределах необходимой обороны – защищала себя, свою дочь и свою подругу.

Как ни цинично, но эта весть подхлестнула продажи, узнаваемость имени – и поток коммерческих предложений.

У Лины немного времени ушло на решение покорить эту волну.

Через неделю после того, как случилось худшее, она ехала из Джорджтауна в сельскую глубинку Мэриленда, планируя извлечь из этой поездки максимум.

На лице у нее были огромные темные очки – даже ее искусство макияжа не могло полностью скрыть синяки. Ребра еще ныли, но она изменила программу упражнений и добавила медитации.

У Мими все еще побаливала голова, но сломанный нос заживал, чернота вокруг глаза выцветала в болезненную желтизну.

Эдриен надоел гипс, хотя она любила давать его подписывать. Через две недели, как сказал врач, надо будет повторить рентген.

«Могло быть хуже». Лина постоянно себе напоминала, что могло быть хуже.

Гарри купил для Эдриен новую игровую консоль, и она во время поездки развлекалась на заднем сиденье. Навстречу Лине плыли тени мэрилендских гор, светло-лавандовые на фоне ярко-синего неба.

Когда-то она отчаянно хотела из них вырваться, от этой тихой, до ужаса медленной жизни – туда, где движуха, толпы, люди, все вообще.

И до сих пор хотела.

Она не создана была для тихих городков и сельской жизни. Видит бог, она никогда не думала жарить котлеты, готовить пиццу, держать ресторан, и плевать, что это ее профессия из рода в род.

Ее тянуло к толпам, к большим городам и – да, к свету публичности. Нью-Йорк она считала своей основной базой – если не совсем домом. Потому что дом у нее был и всегда будет там, где сейчас ее работа и действие.

Наконец после поворота с I-70 трафик схлынул, дорога запетляла среди пологих холмов, зеленых полей, рассыпанных там и сям домиков и ферм.

Да, подумала она, вернуться домой *можно*, но оставаться там – нельзя. По крайней мере – для Лины Терезы Риццо.

– Почти уже приехали! – донесся радостный голос Эдриен с заднего сиденья. – Смотри, коровки! Лошадки! Жалко, что у Поупи и Нонны нет лошадок. Или курочек. Весело было бы с курочками.

Эдриен открыла окно, высунулась, как радостный щенок. Черные кудри заплясали на ветру. А потом, как Лина знала, они превратятся в воронье гнездо узлов и переплетений.

Потом хлынули вопросы.

Далеко еще? А можно мне будет на шине покачаться? А Нонна лимонад сделала? А с собаками можно будет поиграть? А можно мне? А они будут? А что? А как?

Лина предоставила Мими отбиваться от вопросов – ей очень скоро придется отвечать на другие.

Она свернула у красного сарая, где потеряла невинность в неполные семнадцать лет. Сын владельца молочной фермы, вспомнилось ей. Футбольный квотербек, Мэтт Уивер, всплыло его имя. Красив, хорошо сложен, доброго нрава, но никак не тряпка.

Они типа любили друг друга – как это бывает, когда еще нет семнадцати. Он хотел на ней жениться – когда-нибудь, – но у нее были другие планы.

Она знала, что он на ком-то женился, у него дети – один или двое – и он по-прежнему работает с отцом на ферме.

Дай ему бог, подумала она, и совершенно искренне. Но ей такого – не дай бог никогда.

Она снова свернула, прочь от городка Трэвелерз-Крик, где на тесной городской площади стоял итальянский ресторан «Риццоз» – заведение уже двух поколений.

Ее родные дед с бабушкой, которые его построили, наконец смирились с тем, что им нужен климат потеплее. Но разве не построили они еще один «Риццоз» на островах возле Северной Каролины?

Это в крови, говорили они, но почему-то – и слава богу – этот ген ей не достался.

Она ехала вдоль ручья, к одному из трех крытых мостов, которые привлекали сюда фотографов, туристов и свадебные компании. «Очарователен», – подумала Лина, глядя на этот мост, поднимающийся с выступа в изгибе ручья. И, как всегда, в один голос ахнули Мими и Эдриен, когда она пронеслась между этими красно-кирпичными стенами под синей крышей.

Снова она резко свернула, хотя Эдриен и болталась как резиновый мячик на заднем сиденье, и наконец выехала на извилистую дорожку, ведущую к большому дому на холме, через второй мост над ручьем, от которого получил свое название городок.

Выбежали собаки – большая светло-рыжая дворняга и маленький длинноухий гончак.

– Том и Джерри, ура! Привет, собачки, привет!

– Эдриен, не расстегивай ремень, пока машина не остановится.

– Ну, ма-а-ам! – Но она послушалась, хотя и подпрыгивала на сиденье. – А вот Нонна и Поупи!

Родители, Дуом и София, вышли на большую кольцевую веранду, держась за руки. София, в ореоле каштановых локонов вокруг лица, в своих розовых кроссовках, имела рост пять футов десять дюймов, но ее муж все равно над ней возвышался – шесть и пять.

Подтянутые, сильные, стоя в тени балкона, они выглядели лет на десять моложе своего возраста. Сколько им сейчас? Матери шестьдесят семь или шестьдесят восемь, отец года на четыре старше, подумала Лина. У этой парочки, влюбленной со школьной скамьи, сейчас

уже полвека семейной жизни за плечами. Им пришлось пережить смерть сына, прожившего меньше двух суток, три выкидыша и ужасное известие от медиков, что детей у них не будет.

И вдруг – сюрприз! – когда им было за сорок, появилась Лина Тереза.

Она припарковалась на широкой стоянке рядом с блестящим красным пикапом и мрачным черным внедорожником. Лина знала, что мамин любимчик – изящный бирюзовый кабриолет с откидным верхом – стоит на своем почетном месте в гараже.

Едва она успела поставить на ручник, как Эдриен уже вылетела.

– Нонна! Поупи! Привет, привет!

Она стала обнимать собак. Том лънул к ней, Джерри вилял хвостом и лизался. И вся компания влетела в распахнутые объятия деда.

– Я знаю, ты думаешь, что я делаю ошибку, – начала Лина, – но посмотри на нее, Мими. Сейчас это для нее самое лучшее.

– Девочке нужна мать.

С этими словами Мими вышла, надела на лицо улыбку и двинулась к крыльцу.

– Господи, я же не кладу ее в корзину и не пускаю по течению! Всего одно лето, черт его побери!

Мать сошла со ступеней крыльца, встретив Лину на полпути. Взяла в ладони дочкино лицо в синяках, ничего не сказала, только обняла ее.

И за всю эту жуткую неделю Лина ближе всего оказалась к тому, чтобы сорваться.

– Мама, нельзя. Эдриен не должна видеть, как я плачу.

– Честных слез стыдиться не надо.

– Нам их пока что хватит. – Она взяла себя в руки и отстранилась. – Ты хорошо выглядишь.

– Не могу ответить тебе тем же.

Лина заставила себя улыбнуться:

– Видела бы ты того парня.

София рассмеялась коротко и резко.

– Узнаю мою Лину. Пойдем, сядем на веранде, раз уж тут так хорошо. Ты наверняка проголодалась.

Может быть, итальянское воспитание, может быть, гены рестораторов, но родители Лины были уверены, что всякий, приходящий к ним в дом, должен быть голоден.

Взрослые сели за круглый стол на веранде, а Эдриен во дворе перед домом играла с собаками. На столе был хлеб, сыр, антипасто, оливки. И большой стеклянный кувшин с лимонадом, о котором мечтала Эдриен. Хотя был только полдень, вино тоже подали.

Полбокала, которые позволила себе Лина, сняли напряжение после езды.

О том, что случилось, не говорили: Эдриен то и дело подбегала присесть у Дуома на коленях, показать свою новую игровую консоль, выпить лимонада, что-то рассказать о собаках.

«Как же терпелив мой отец, – думала Лина. – Всегда очень терпелив с детьми, так хорошо с ними общается. И так красив со своей снежной гривой, со смеховыми морщинками вокруг золотисто-карих глаз».

Она всю жизнь считала, что он и София – идеальная пара. Высокие, подтянутые, красивые и такие слаженные, словно две ноты, звучащие в унисон..

А у нее всегда такое чувство, что она малость не в ногу.

Но ведь так и было? Чуть-чуть не в ногу с ними, с этим домом, с этим городом, которые местные зовут просто Крик.

Ну вот она и стала искать свой ритм в другом месте.

Эдриен смеялась: когда дедушка с бабушкой честно расписались на гипсе, бабушка еще нарисовала собак и написала их имена.

– Ваши комнаты готовы, – сказала София. – Поднимем ваши вещи, чтобы вы распаковались и отдохнули, если захотите.

– Мне надо в лавку, – добавил Дуом, – но я вернусь к ужину.

– Вообще-то Эдриен уже несколько дней мечтает покачаться на шине. Мими, может, ты с ней сходишь за дом и покачаешь ее?

– Конечно. – Мими встала, хотя ее единственный брошенный Лине взгляд выражал неодобрение. – Пойдем покачаемся.

– Ура! Собачки, за мной!

Дуом подождал, пока Эдриен скрылась за домом в сопровождении Мими.

– И что это все значит?

– Мы с Мими не останемся. Я должна вернуться в Нью-Йорк и закончить проект, начатый в Вашингтоне. Там сейчас его просто невозможно доделывать, и я... я надеюсь, что вы захотите поддержать у себя Эдриен.

– Лина! – София подалась к дочери и взяла ее за руку. – Тебе нужно хоть два-три дня отдохнуть, прийти в себя. И дать Эдриен снова успокоиться.

– У меня нет времени приходить в себя и отдыхать. И где Эдриен будет спокойнее, чем здесь?

– Без мамы?

Лина повернулась к отцу:

– Зато с вами обоими. А мне нужно опередить эту историю. Нельзя, чтобы она разрушила мое дело, мою карьеру. Я должна ее опередить и выправить свой путь.

– Этот человек мог убить тебя. Тебя, Эдриен и Мими.

– Пап, я знаю, поверь мне. Я при этом присутствовала. Моей дочери будет здесь хорошо, ей все тут нравится. Она целыми днями ни о чем больше не говорит. У меня с собой ее медицинские записи – для ее следующего рентгена. Врач в Вашингтоне считает, что через неделю-другую ей можно будет снять гипс и надеть ортез. Травма обычная и мелкая...

– Мелкая?!

В ответ на этот взрыв отца Лина подняла обе руки:

– Он ее пытался сбросить с лестницы. Я не успевала ее подхватить, не могла ему помешать. Не будь он так глуп и так до омерзения пьян, у него могло бы получиться, и она бы не руку, а шею сломала. Можешь мне поверить, я никогда этого не забуду.

– Дуом, – нежно произнесла София и погладила его по руке. – На какой срок ты хочешь ее у нас оставить? – обернулась она к дочери.

– До конца лета. Да, я понимаю, что это долго, и знаю, что многого прошу.

– Нам в радость, что Эдриен с нами, – ответила София просто. – Но ты не права, что так поступаешь. Не надо ее сейчас покидать. Хотя мы постараемся, чтобы она была довольна и счастлива.

– Спасибо вам огромное. Учебный год она почти закончила, хотя у Мими есть еще задания для нее и инструкции для вас. В новом учебном году это все уже будет у нее позади, и у меня тоже.

Родители минуту молчали, только смотрели на Лину. Золотисто-карие глаза отца и зеленые глаза матери заставили ее подумать, как слились эти цвета в облике ее дочери.

– Она знает, что ты ее здесь оставляешь? – спросил Дуом. – Что уезжаешь в Нью-Йорк без нее?

– Я ей ничего не говорила – мне нужно было сперва спросить вас. – Лина встала. – Сейчас я с ней поговорю, а нам с Мими скоро надо будет ехать. – Лина замолчала. – Я знаю, что разочаровала вас – снова. Но мне кажется, так будет лучше для всех. Мне нужно время сосредоточиться, и я не смогу ей уделить то внимание, которое ей будет нужно. И так мы не рискуем, что какой-нибудь репортер ее шелкнет и выложит в таблоиде в супермаркете.

– А ты как раз будешь искать публичности, – напомнил Дуом.

– Того сорта, который смогу контролировать и направлять. Понимаешь, пап, есть на свете много мужчин, на тебя не похожих. Не добрых, не любящих. И потому есть много женщин с синяками на лице. – Она потрогала пальцем припухлость под глазом. – И много детей с рукой в гипсе. И можешь, черт побери, не сомневаться, что, когда будет возможность, я не буду молчать об этом.

И Лина ушла в праведном гневе, потому что верила в свою правоту. Но к этому гневу примешивалась досада, вызванная сомнением: а вдруг она все же не совсем права?

Через час Эдриен стояла на крыльце, глядя вслед уезжающим матери и Мими.

– Он всех побил из-за меня, и она теперь не хочет, чтобы я была с ней.

Дуом с высоты своего заметного роста нагнулся, ласково положил руки на плечи девочке, посмотрел ей в глаза.

– Это не так. Ты тут ни в чем не виновата, и мама оставила тебя у нас просто потому, что будет очень занята.

– Она всегда занята. Все равно за мной смотрит Мими.

– Мы все думали, что тебе приятно будет у нас провести лето. – София погладила Эдриен по голове. – Если через... ну, скажем, неделю, тебе не понравится, мы с Поупи сами отвезем тебя в Нью-Йорк.

– Сами отвезете?

– Обещаю. Но на неделю у нас останется самая любимая из наших внучек. У нас будет наша *gioia*. Наша радость.

Эдриен слегка улыбнулась:

– Я ваша *единственная* внучка.

– И все равно самая любимая. А если тебе у нас понравится, твой деда тебя научит делать равиоли, а я научу делать тирамису.

– Но у тебя будут обязанности. – Дуом погладил ей нос пальцем. – Кормить собак, помогать в саду.

– Вы знаете, что мне нравится это делать, когда я приезжаю. Это не обязанности.

– Приятная работа все равно работа.

– А можно мне будет поехать с тобой на работу и посмотреть, как ты швыряешь тесто для пиццы?

– На этот раз я тебя научу это тесто швырять. Начнем сразу, как с тебя снимут гипс. Кстати, мне сейчас надо на работу, так что мой руки и поехали со мной.

– Окей!

Когда она побежала в дом, Дуом выпрямился. Вздохнул.

– Дети – народ устойчивый. Все с ней будет нормально.

– С ней – да. Но Лине это время никогда не вернуть. Ладно уж. – София погладила Дуома по щеке. – Ты ей слишком много конфет не покупай.

– Я куплю ровно сколько надо.

Райлан Уэллс сидел за столиком в «Риццо» и делал эту дурацкую домашнюю работу. Как он понимал, у него «домашняя работа» и без того есть – которую дома поручают, так почему бы этой школьной работе не оставаться в этой дурацкой школе? В свои десять лет Райлан часто удивлялся и недоумевал, глядя на взрослый мир и на правила, установленные для детей.

Математику он уже сделал: это было просто, потому что в ней есть смысл. А куча всякой прочей ерунды смысла не имела. Например, отвечать на уйму дурацких вопросов про Гражданскую войну. Ну да, они живут типа рядом с Энтитемом и вообще поле боя – это круто, но все ж это уже кончилось типа.

Федерация победила, Конфедерация проиграла. Как Стэн Ли говаривал – а он был гений: «Все, хва».

Так что Райлан ответил на один вопрос, потом посидел, ответил на другой и надолго задумался, представляя себе эпическую схватку Человека-паука с Доктором Осьминогом.

Поскольку сейчас было время, которое мама называла «время вылежки» – после обеда, но до ужина, – большинство посетителей составляли школьники, пришедшие поиграть в видео-игры и, может быть, зажевать кусок пиццы или стакан колы.

А он не может ни одного квотера спустить в автомат, пока не закончит эту дурацкую домашнюю работу. Такое правило установила мама.

Он посмотрел через почти пустой зал, на ту сторону прилавка, где большая кухня, на которой работала мама.

Еще полгода назад она готовила только дома, на своей кухне. Но это было до того, как отец сделал ноги.

А сейчас мама готовит здесь, потому что надо по счетам платить и вообще. Одета она в большой красный передник с надписью «Риццоз», и волосы у нее подобраны под пухлый белый колпак, как у всех поваров и помощников.

Она сказала, что ей тут работать нравится, и он думал, что она говорит правду: когда она стояла возле этой огромной плиты, у мамы всегда был довольный вид. И вообще он обычно видел, когда она не говорит правду.

Как вот когда говорит им с сестрой, что все хорошо, а глаза ее говорят другое.

Он сперва боялся, но сказал, что все окей. Майя сначала плакала, но ей же всего семь, да еще и девчонка. Но и она приспособилась.

В основном.

Райлан решил, что теперь он мужчина в доме, однако практически сразу понял, что это не означает возможности не делать домашнюю работу или ложиться позже в будние дни.

Так что он ответил еще на один дурацкий вопрос про Гражданскую войну.

Майе было разрешено пойти в гости к подруге Касси и делать домашнее задание там. Хотя ей никогда особо много не задавали. А ему? В разрешении отказать.

Может быть, потому что вчера он и его два лучших друга гоняли мячик и шатались по улицам вместо того, чтобы уроки делать. И позавчера тоже.

Доктор Осьминог еще щенок по сравнению с Маминым Гневом, так что теперь приходилось после школы являться в «Риццоз», а не ошиваться у Мика, Нейта или Спенсера.

Это было бы не так печально, если бы Мик, Нейт или Спенсер могли бы с ним сидеть в «Риццоз». Но у их мам тоже был свой Гнев.

Увидев, что пришел мистер Риццо, Райлан несколько воспрянул духом. Раз мистер Риццо пошел на кухню, он там будет швырять тесто. Мама Райлана и кое-кто из других поваров тоже умели швырять тесто, но мистер Риццо еще показывал с ним фокусы – подбросит, развернется и поймает тесто за спиной.

И если не было запарки, он давал Райлану попробовать и давал самому сделать любую пиццу, которую хочется – с любой начинкой! – и бесплатно.

Там еще какая-то девчонка с ним пришла, Райлан почти не обратил внимания: девчонка – она девчонка и есть. Правда, у нее гипс на руке, что слегка повышало интерес, но именно что слегка.

Закончив с последним дурацким вопросом, он прикинул, какая может быть тому гипсу причина. Упала в колодец, или с дерева, или из окна выскочила при пожаре.

Ответив – наконец-то! – на все вопросы, он принялся за последнее задание.

Математику он сделал первой, потому что просто. Историю эту самую – следом, потому что занудство.

А последнее задание – написать предложения со словами, правописание которых они выучили на неделе, он оставил на закуску, потому что прикольно.

Слова он любил почти так же, как рисовать.

1. *Пешеход*. Бешено мчащийся автомобиль, на котором удирали грабители банка, переехал пешехода.

2. *Осуществление*. Когда началось вторжение инопланетян с планеты Зорк, осуществление защиты Земли взял на себя Человек-паук.

3. *Изъятие*. Безумный профессор похитил группу людей и произвел изъятие органов для своих безжалостных экспериментов.

Он как раз дописывал последние слова, когда мать подошла и присела за его стол.

– Я все это тупое задание закончил.

У Джен закончилась смена, и она уже сняла передник и колпак. После ухода мужа она постриглась коротко и чувствовала, что эта стрижка ей идет. Плюс возни куда меньше.

Ей подумалось, что Райлана тоже можно бы постричь. Когда-то светло-светло-желтые волосы стали темнеть, приобретая темно-медовый цвет, как у нее самой. «Растет мальчик», – подумала она, протягивая руку за его тетрадью.

Он поднял на нее свои чудесные зеленые, цвета бутылочного стекла глаза – как у ее отца – и подвинул тетрадь через стол.

Растет мальчик, подумалось ей. Волосы уже не младенчески тонкие, сахарно-белые, а густые и чуть волнистые. Ушла младенческая округлость лица – и куда время девалось? – появились точеные, острые черты, с которыми и уйдет он в зрелый возраст.

Из симпатяшки он превратился в красавца прямо у нее на глазах.

Она проверяла его задания, потому что думала, что видит в этом мальчишке взрослого, которым он станет, а мальчишка горазд сачковать.

Прочитала упражнения на орфографию, вздохнула.

– Мошенник пишется с двумя «н». Мошенник украл у труженика Бэтмена одно «н».

Он улыбнулся:

– Запоминается.

– Как получается, что человек, так хорошо умеющий считать, столько часов тратит на попытки увильнуть от домашней работы, которую может сделать за час?

– Потому что у него с души воротит от этой домашней работы!

– Согласна. Но это твоя работа. И сегодня ты ее хорошо сделал.

– Так мне можно будет пойти к Мику?

– При твоих математических способностях странно, что ты не можешь посчитать дни до окончания недели. Никаких походов в гости до субботы. А если опять не сделаешь уроков...

– ...две недели никуда не пойдешь, – закончил он тоном скорее скорбным, чем огорченным. – Но что мне делать сейчас? В ближайшие часы?

– Не переживай, детка. Я найду для тебя уйму занятий.

– Домашние обязанности, – вздохнул он уже с настоящей горечью. – Но я же все уроки сделал.

– И ждешь награды за то, что сделал то, что тебе положено? Поняла! – Улыбаясь от уха до уха, с чертиками в глазах, она хлопнула в ладоши. – Хочешь, я тебя расцелую? – Она потянулась к нему. – Расцелую все лицо прямо на глазах у всех. Ммм, чмок-чмок-чмок?

Он отпрянул, но улыбку сдержать не смог.

– Перестань.

– Да неужто тебя могут смутить шумные поцелуи с причмоком, моя милая деточка-деточка?

– Мам, ну ты псих!

– У тебя научилась. А теперь пошли за сестрой и домой.

Он засунул тетрадь в набитый рюкзак.

Стали подтягиваться люди, пришедшие за бутылкой пива или стаканом вина, или собравшиеся пораньше поужинать с друзьями.

Мистер Риццо уже был в колпаке и переднике и выделял фокусы с тестом.

Девчонка, усевшаяся на стуле за стойкой, заплодировала.

– Мистер Риццо, до свидания!

Мистер Риццо поймал тесто, закрутил его, подмигнул:

– Чао, Райлан! Маму береги.

– Буду беречь, сэр.

Они вышли на крытую веранду, где уже сидели за столиками посетители. От цветочных ваз шел аромат, мешающийся с запахом жареных кальмаров, острого соуса, поджаренного хлеба.

По всей площади стояли большие бетонные вазы с цветами, и у некоторых лавок тоже были свои вазоны или висячие корзинки.

Ожидая светофора, Джен сдержалась и не взяла сына за руку. Ему десять лет, напомнила она себе. Он не хочет, чтобы мама его держала за руку, когда мы переходим улицу.

– А кто эта девочка с мистером Риццо?

– Что? А, это его внучка, Эдриен. Она у них будет жить этим летом.

– А чего у нее гипс на руке?

– Запястье сломано.

– А как? – спросил он, идя рядом с матерью через улицу.

– Упала.

Идя уже по тротуару, она почувствовала на себе взгляд Райлана и обернулась:

– Что такое?

– У тебя такой вид...

– Какой вид?

– У тебя всегда такой вид, когда ты не хочешь мне рассказывать что-то плохое.

Наверное, именно такой вид у нее и был. А в городе размеров Трэвелерз-Крик, где Риццо – такой заметный кусок местной жизни, Райлан с его ушами, как у летучей мыши, все равно узнает.

– Ее ударил отец.

– Правда?

Его собственный отец говорил и делал много всякого плохого, но никогда бы не сломал руку ни ему, ни Майе.

– Я надеюсь, ты проявишь уважение к частной жизни мистера и миссис Риццо, Райлан. А поскольку я собираюсь Майю туда сводить – они с Эдриен однолетки – и посмотреть, не завяжется ли между ними дружба, я тебя прошу ничего сестре не говорить. Если Эдриен захочет рассказывать ей или кому-нибудь вообще, это ее дело.

– Окей. Но вообще – чтобы отец ей руку сломал!

– Запястье, но от этого не легче.

– Он в тюрьме?

– Нет. Он мертв.

– Вот это да! – Ошарашенный и немного возбужденный, он подпрыгнул на цыпочках. – Она его, типа, убила при самозащите?

– Не говори глупостей. Она просто ребенок, переживший очень тяжелое испытание. И не надо выпытывать у нее подробности.

Они дошли до дома Касси – она жила точно напротив их дома. Отец, когда сбежал, взял из банка почти все деньги, но Риццо дали матери работу, и они сумели сохранить дом.

Он вообще им много сделал плохого, сбежавший отец. Райлан слышал, как мать плакала, когда думала, что он спит. Это было до того, как она получила работу.

Райлан никогда, ни за что не сделает и не скажет ничего, что не понравится мистеру или миссис Риццо.

Но эта девчонка стала теперь намного, намного интереснее.

Глава 3

Лето заиграло новыми красками, когда Эдриен познакомилась с Майей: совместные ночевки, нескончаемые игры, общие секреты.

Впервые в жизни у Эдриен появилась лучшая подруга.

Она учила Майю йоге, танцевальным шагам и упражнению, похожему на колесо, а Майя ее учила, как вращать палкой и как играть в покер на костях.

У Майи был пес Джимбо, умевший ходить на задних лапах, и кошка Мисс Присс, которая любила сидеть на руках.

И у нее был брат Райлан, но его интересовали только видеоигры и комиксы, а еще – он любил шататься со своими приятелями, так что девочки его мало видели.

Но у него были зеленые глаза – зеленее и темнее, чем у матери и бабушки Эдриен. Будто ему лишнюю порцию зелени впрыснули.

Майя говорила, что он шалопаи, но Эдриен никаких свидетельств тому не видела, потому что он от девчонок держался подальше.

А глаза его ей нравились.

И еще ей было интересно, каково это, когда у тебя есть брат или сестра. Лучше, конечно, сестра, но вообще кто-то рядом и примерно твоего возраста – это было бы прикольно.

Мама у Майи была очень хорошая. Нонна говорила, что она вообще клад, а Поупи – что она отличный повар и усердный работник. Порой, когда миссис Уэллс была на смене, Майя приходила на целый день, и если вовремя попросить, можно было позвать и других девочек.

Когда сняли гипс, Эдриен пришлось носить ортез – гибкую повязку – еще три недели. Но его можно было снимать, если хотелось залезть в джакузи или если приглашали поплавать в бассейне на заднем дворе у Майиной подруги Касси.

Как-то в середине июня они с Майей поднялись наверх – взять все нужное для чайной вечеринки, которую хотели устроить на улице под большим тенистым деревом.

Эдриен остановилась перед открытой дверью в комнату Райлана. Раньше он всегда эту дверь закрывал и вешал на дверь большой плакат «Вход воспрещен».

– Нам туда нельзя без разрешения, – предупредила Майя.

Сегодня ее солнечно-светлые волосы были заплетены французской косой: у миссис Уэллс был выходной и свободное время.

Майя по своей привычке подбоченилась и закатила глаза.

– Будто оно мне надо. Там бардак и воняет.

Эдриен никакой вони не чувствовала, но бардак – вот это в точку. Кровать неубранная, даже неприкрытая. Одежда и обувь где попало вперемешку с героями боевиков.

Но внимание Эдриен привлекли стены, которые Райлан покрыл рисунками.

Супергерои, битвы с чудовищами или суперзлодеями, звездолеты, странные здания, мрачные леса.

– Это все он нарисовал?

– Ага, он все время рисует. И рисует хорошо, но всегда какие-то глупости. Никогда ничего красивого – только раз нарисовал для мамы на День матери букет цветов, раскрасил их как следует. Она расплакалась – так ей понравилось.

Эдриен не казалось, что эти рисунки – глупые. Страшноватые – да, но не глупые. Однако она не стала спорить с лучшей подругой. Только заглянула подальше в комнату, и тут по лестнице взбежал Райлан. На миг он застыл на месте, прищурившись. Потом прыгнул вперед и загородил собой дверь.

– Вам в мою комнату нельзя.

– А мы и не входили, дурачина! Никому в твою вонючую комнату не надо!

Майя подчеркнуто принялась и снова подбоченилась.

– Дверь была открыта, – сказала Эдриен, прежде чем Райлан успел дать сестре отповедь. – И я честно не входила, слово даю. Просто на рисунки посмотрела. Очень хорошие. Мне особенно Железный Человек понравился. Вот этот, – добавила она и приняла позу, будто летит, выставив сжатую в кулак руку.

И встретила взглядом с разъяренными глазами. Эдриен инстинктивно отшатнулась и ждалась, а рука запульсировала фантомной болью.

Райлан увидел, как она прикрыла руку с ортезом другой рукой, – и вспомнил про ее отца. Кто хочешь будет потом бояться, если собственный отец нападет и руку тебе сломает.

Он заставил себя пожать плечами, будто ему наплевать. Но на него, может, слегка произвело впечатление, что она вообще Железного Человека знает.

– Да все нормально. А рисунки эти – так, для тренировки. Я лучше умею.

– И еще вот крутой – с Человеком-пауком и Доктором Осьминогом.

Ну, окей, тут уже не слегка. Никто из Майиных девчонок Доктора Осьминога от Зеленого Гоблина не отличил бы.

– Ну, пожалуй. – И решив, что хватит с девчонкой разговаривать, он хищно усмехнулся сестре: – Брысь отсюда.

С этими словами он вошел и закрыл за собой дверь.

Майя улыбнулась своей солнечной улыбкой.

– Ну, видишь? Шалопай.

Взяв Эдриен за руку, она потащила ее за собой в свою комнату – собрать все для чайной вечеринки.

В тот вечер Эдриен взяла бумагу и карандаш и попыталась нарисовать своего любимого супергероя – Черную Вдову.

У нее получились только кляксы, соединенные с линиями или другими кляксами. И она грустно перешла к своему обычному репертуару – домик, деревья, цветы, большое круглое солнце.

Но и это вышло не слишком хорошо. У нее вообще рисунки не получались, хотя Нонна всегда их вешала на холодильник.

Не умела она рисовать. Готовить и печь она тоже не очень умела, хотя Нонна и Поупи говорили, что она быстро учится.

Так что же она хорошо умеет?

В утешение она занялась йогой – хотя приходилось быть осторожной и не нагружать большое запястье.

Завершив этот вечерний ритуал, она почистила зубы, потом надела пижаму.

Собралась уже выйти сказать деду, что она готова ложиться (у бабушки сегодня была вечерняя смена в «Риццоз»), как он сам постучал в дверь.

– Вот молодец, моя девочка. Чистая, умытая и готова лечь спать. И смотри, что нарисовала, – увидел он ее рисунок. – Это в нашу галерею надо.

– Детские каракули.

– Красота – в глазах смотрящего. Мне нравится.

– Вот у Майи брат, Райлан, он по-настоящему рисует.

– Он умеет. Очень одаренный. – Дед посмотрел в ее погрузневшее лицо. – Но я ни разу не видел, чтобы он ходил на руках.

– Мне на самом деле еще нельзя пока.

– Но ты опять начнешь. – Он поцеловал ее в макушку, потом подтолкнул к кровати. – Давай, устраивайся с Баркли под одеялом, и прочтем еще одну главу «Матильды». Моя девочка так читает, как мало кто из старшеклассников умеет.

Эдриен устроилась под одеялом со своей игрушечной собакой:

– Активный ум – активное тело.

Дуом рассмеялся и сел на край кровати. Она свернулась в клубок, прильнув к нему. От него пахло травой, которую он косил перед ужином.

– Как ты думаешь, мама по мне скучает?

– Еще бы. Разве ж она не звонит каждую неделю с тобой поговорить, посмотреть, как ты тут живешь и что делаешь?

«Лучше бы она чаще звонила, – подумала Эдриен. – Но не так уж много она спрашивает, что я делаю».

– Завтра, наверное, я тебя буду учить, как делать пасту, а потом ты меня кое-чему научишь.

– Чему?

– Своему комплексу упражнений, который ты составляешь. – Он погладил ей нос. – Активный ум, активное тело.

Эта мысль привела ее в восторг.

– Окей! Я для тебя могу новый составить!

– Только не слишком трудный. Я же в этом новичок. А теперь почитай мне книжку.

Оглядываясь на это лето, Эдриен понимала, что оно было идиллией. Паузой в реальности, ответственности и рутине. Передышкой, которой никогда уже не суждено повториться.

Долгие, жаркие солнечные дни с лимонадом на веранде, с радостной собачьей возней во дворе. Захватывающий дух восторг от внезапной грозы, когда воздух вдруг становится серебряным, деревья качаются и пляшут. Были подруги, было с кем играть и смеяться. Были здоровые, энергичные, внимательные бабушка и дедушка, сделавшие ее пусть на краткий миг, но центром своего мира.

Она приобрела отличные кулинарные умения, и некоторые остались с ней на всю жизнь. Ей открылось, как интересно срывать во дворе свежие травы и овощи, она видела, как улыбается бабушка, когда дед приносит ей горсть полевых цветов.

Это лето ее научило истинному смыслу слов «семья» и «общение». Этого она никогда не забудет, и часто ей будет этого не хватать.

Но дни шли. Прошел парад и фейерверки Четвертого июля. Жаркий влажный вечер цветных огней, вихрь звуков пришедшего в город карнавала. Ловить и выпускать светлячков, смотреть, как летают колибри, есть вишневый пирог на большой круговой веранде в день такой тихий, что слышно было, как булькает ручей.

Потом все заговорили об одежде и предметах «скоро-в-школу». Подруги жужжали о том, какая у них была училка, и показывали ей новые ранцы и тетради.

И лето, несмотря на жару, свет, длинные дни, устремилось к концу.

Она попыталась не плакать, когда бабушка помогала ей паковать, но не получилось.

– Ну-ну, деточка! – София привлекла ее к себе. – Ты же не навек уезжаешь. Еще приедешь в гости.

– Это будет другое.

– Но все равно необыкновенное. Ты же знаешь, что ты скучаешь по маме и Мими.

– А теперь я буду скучать по тебе и Поупи, по Майе и Касси и миссис Уэллс. Ну почему мне всегда надо по кому-нибудь скучать?

– Я знаю, это тяжело. Потому что мы с Поупи будем скучать по тебе.

– Вот хорошо бы мы могли жить здесь! – Она жила бы в этом большом доме, в той красивой комнате, где можно выйти на веранду и сразу видеть собак, и сад, и горы. – И ни по кому скучать не надо было бы.

Быстренько погладив Эдриен по спине, София шагнула уложить в чемодан пару джинсов.

- Ты понимаешь, детка, для твоей мамы это не дом.
- Когда-то был. Она здесь родилась, здесь в школу ходила и вообще.
- Но сейчас у нее другой дом. Каждый должен найти свой собственный.
- А если я хочу, чтобы мой был вот этот? Почему не может быть так, как я хочу?

София посмотрела на это милое страдающее личико и почувствовала, что сердце дает трещинку. Девочка говорила с интонациями своей матери.

– Когда вырастешь, может быть, тебе захочется, чтобы здесь был твой дом. Или захочется жить в Нью-Йорке или еще где-нибудь. И ты сама решишь.

– А детям *ничего* нельзя решать.

– Вот поэтому те, кто их любит, очень стараются принимать за них правильные решения до тех пор, пока дети не смогут решать сами. И твоя мама тоже старается изо всех сил. Клянусь тебе, она очень старается.

– Если скажете, что мне можно здесь жить, она может и согласиться.

София почувствовала, как трещина растет.

– Это не было бы правильно по отношению к тебе и к маме. – Она села на край кровати, взяла в ладони мокрое от слез лицо. – Вы нужны друг другу. Так, подожди, – сказала она, когда Эдриен замотала головой. – Ты веришь, что я всегда говорю тебе правду?

– Ну да, наверное. Да, верю.

– Я сейчас говорю тебе правду. Вы нужны друг другу. Может быть, прямо сейчас, когда ты грустная и злая, это не чувствуется, но это так.

– А тебе и Поупи я не нужна?

– Нужна, и еще как. – Она притянула к себе Эдриен и крепко обняла. – *Gioia mia*. Вот почему ты будешь писать нам письма, а мы будем тебе отвечать.

– Письма? Я никогда не писала писем.

– Теперь будешь. Я тебе даже дам очень красивую бумагу для начала. У меня на столе есть немножко, я ее принесу. Прямо сейчас и упакуем.

– И вы будете писать письма, которые будут лично мне?

– Лично тебе. И раз в неделю, это точно, ты будешь звонить, и мы будем разговаривать.

– Обещаешь?

– Пальчиком клянусь.

София переплела мизинцы с Эдриен, и девочка улыбнулась.

Она не плакала, когда подъехала машина – большой блестящий черный лимузин, – но крепко вцепилась в дедушкину руку.

Он ее пожал, ободряя:

– Смотри, какая шикарная машина! Тебе весело будет ехать так стильно. Ну, пошли. – Он еще раз пожал ей руку. – Иди обними маму.

Водитель был в костюме и в галстук, он вышел первым и открыл дверь. Оттуда выпорхнула мама. Она была в красивых серебряных сандалиях, и Эдриен заметила, что ногти на ногах окрашены ярко-розовым под цвет блузки.

Мими вышла с другой стороны, лучезарно улыбаясь, хотя глаза ее блестели.

Даже в свои неполные восемь Эдриен понимала, что бежать сперва к Мими было бы ошибкой. Поэтому она пошла через газон к матери. Лина нагнулась ее обнять.

– Я думала, ты выше. – Выпрямившись, она погладила волнистые волосы дочери, собранные в хвост. И у нее сдвинулись брови, как бывало, когда ей что-то не нравилось. – Ты определенно много бывала на солнце.

– Я мазалась защитным кремом. Поупи и Нонна за этим следили.

– Хорошо. Это хорошо.

– Где тут мой ребенок? – Мими раскинула руки, и на этот раз Эдриен бросилась бегом. – Как же я без тебя скучала!

Она подхватила Эдриен на руки, расцеловала в обе щеки, обняла сильнее.

– Ты выросла, ты вся золотая, от тебя солнцем пахнет.

Все по очереди обнялись, но Лина сказала, что остаться поесть и выпить они не могут.

– Мы прилетели из Чикаго, и без того день получается долгий, а у меня интервью на «Тудей» утром. Спасибо вам, что присмотрели за Эдриен.

– Это было сплошное удовольствие. – София взяла обе руки Эдриен, расцеловала их. – Сплошное удовольствие. Мне твоей милой мордочки будет не хватать.

– Нонна!

Эдриен обхватила бабушку объятием.

Дуом ее поднял, завертел, прижал к себе.

– Веди себя хорошо у мамы.

Он поцеловал ее в шейку и поставил на землю.

Ей надо было еще обнять Тома и Джерри и чуть поплакать, утонув лицом в шерсти.

– Давай, Эдриен. Ты же с ними не навек прощаешься. Снова наступит лето, оглянуться не успеешь.

– Можете приехать на Рождество, – предложила София.

– Посмотрим, как сложится. – Лина поцеловала в щеку мать, потом отца. – Спасибо. Это было огромное облегчение – знать, что она далеко... от всего. Мне жаль, что мы не можем побыть дольше, но я должна быть в студии в шесть утра. – Она глянула на машину, где Мими уже усаживала Эдриен и пыталась ее отвлечь, показывая, как работают фары. – Для нее это было хорошо. Для всех было хорошо.

– Приезжай на Рождество. – София стиснула руку дочери. – Или на День благодарения.

– Постараюсь. Берегите себя.

Она села в машину, закрыла дверь.

Не обращая внимания на команды матери застегнуть ремень, Эдриен встала коленями на заднее сиденье, глядя сквозь заднее стекло большой машины на машущих на прощанье дедушку и бабушку. Они стояли перед своим большим каменным домом, и собаки жались к их ногам.

– Эдриен, сядь теперь, чтобы Мими тебя пристегнула. – Не успела она это сказать, как лимузин въехал на крытый мост, и у Лины зазвонил телефон. Она глянула на дисплей. – Я должна ответить.

Она сдвинулась на дальний край сиденья.

– Лина слушает. Привет, Мередит.

– А у нас тут газировка есть и сок, – жизнерадостно сообщила Мими, пристегивая Эдриен к сиденью. – И ягодки, и веганские чипсы, которые ты любишь. Пикник в машине устроим.

– Все хорошо. – Эдриен расстегнула рюкзачок, который ей купили бабушка с дедушкой, и вытащила свой геймбой. – Я не хочу есть.

Нью-Йорк

С того далекого лета у Эдриен и выработалась привычка писать письма. Она звонила бабушке с дедушкой не реже раза в неделю, иногда посылала электронные письма или сообщения через мессенджер, но еженедельное письмо стало нерушимой традицией.

Сейчас, пользуясь теплой и ветреной погодой сентябрьского утра, она сидела на крыше, на террасе триплекса своей матери в верхнем Ист-Сайде и описывала первую неделю учебного года.

Она могла бы настучать ее на компьютере, распечатать и отправить, но это ж то же самое, что электронка. Тут, думалось ей, сам акт письма делает эти письма личными.

Она часто обменивалась сообщениями и с Майей и даже посылала рукописную открытку время от времени.

Няни у нее уже больше не было: Мими влюбилась в Айзека, вышла замуж, и у них родились свои двое детей. Ну, и к тому же через полтора месяца Эдриен исполнилось семнадцать.

Мими по-прежнему работала у Лины, но в качестве секретаря: помогала планировать деловые встречи, вместе с Гарри организовывала интервью и выступления.

Карьера матери была головокругительной – книги и диски, события в мире фитнеса, мотивационные речи, появление на телевидении (у нее была эпизодическая роль в сериале «Закон и порядок»).

Бренд «Йога-беби» был на вершине успеха.

Главный фитнес-зал «Эвер-фит» в Манхэттене превратился в франшизу фитнес-залов, разлетевшихся по всей стране. Линия одежды для фитнеса, линия здоровой еды, масел, свеч, лосьонов, марки оборудования для залов насчитывали меньше десяти лет, но из когда-то небольшого предприятия превратились в миллиарднодолларовую фирму национального масштаба.

«Йога-беби» финансировала летние лагеря для детей из необеспеченных семей и щедро спонсировала убежища для женщин, так что Эдриен не могла сказать, что мать не возвращает обществу долги.

Но почти всегда Эдриен приходила из школы в пустую квартиру. Она шутила в разговорах с Майей, что у нее со швейцаром куда более близкие отношения, чем с матерью.

Самый тесный контакт у них, думала Эдриен, в сущности, был в те недели, когда они вместе работали над ежегодным диском «Упражнения для матери и дочери».

Но Эдриен жила свою жизнь, и она уже решила, что делать с ней дальше, когда можно будет принимать собственные решения.

Первое она уже приняла и сейчас сидела на теплом ветерке, ожидая, когда упадет дверной молоток. Долго ждать не пришлось.

Слышно было, как отодвинулась за спиной стеклянная дверь, громко стукнувшись о стопор.

– Эдриен, что за безобразие? Ты еще даже не начала вещи собирать, а нам уезжать через час.

– Тебе уезжать через час, – поправила Эдриен, не переставая писать. – Я не начала собирать вещи, потому что я не еду.

– Не будь ребенком. Завтра в Лос-Анджелесе полный рабочий день. Собирайся давай.

Эдриен отложила перо, обернулась на стуле, встречая взгляд матери.

– Нет, я не еду. Я не дам тебе меня таскать за собой по всей стране две с половиной недели. Я не буду жить в номерах отеля и учиться в онлайн. Я останусь здесь, буду ходить в эту чертову частную школу, куда ты меня затолкала, купив весной вот эту квартиру.

– Ты будешь делать так, как я тебе скажу. Ты все еще ребенок, и поэтому...

– Только что ты велела мне не быть ребенком, мам. Сразу быть и не быть им – не получится. Мне шестнадцать – через полтора месяца семнадцать. Я всего три недели в этой новой школе, где у меня нет друзей. Я не буду сидеть одна весь день в номере отеля или в студии или в каком-нибудь развлекательном центре. Сидеть в одиночестве я могу и здесь после уроков.

– Тебе слишком мало лет, чтобы оставаться здесь одной.

– Но мне достаточно лет, чтобы оставаться одной в любом другом городе, пока ты подписываешь книги или диски, пока даешь интервью или выступаешь?

– Там ты не одна. – Лина, сбитая с толку и растерянная, с ходу села на стул. – Я от тебя в одном телефонном звонке. В любой момент можешь мне позвонить или написать.

– Поскольку Мими с тобой не едет – имея двух своих детей, она не хочет уезжать на две недели, – то здесь она от меня в одном телефонном звонке. Но я могу сама себя обслужить. Может быть, ты не заметила, но я это уже довольно давно делаю.

– Я позаботилась, чтобы у тебя было все, что тебе может понадобиться или захотеться, Эдриен, не говори со мной таким тоном! – Недоумение и растерянность сменились раздражением и гневом. – Ты получаешь самое лучшее образование, которое только можно пожелать. Такое, что потом можешь выбирать любой колледж. У тебя красивый и надежный дом. Чтобы у тебя все это было, я работала – и работала, света не видя.

Эдриен посмотрела на Лину долгим пристальным взглядом.

– Ты работала, света не видя, потому что ты целеустремленная честолюбивая женщина с огромной энергией. И я на тебя за это не в обиде. Мне хорошо было в обычной школе, там у меня были подруги. Сейчас я постараюсь устроиться хорошо и завести подруг там, куда ты меня всунула. Если я уеду на две недели, у меня этого не получится.

– Если ты думаешь, что я девчонку-подростка оставлю в Нью-Йорке, чтобы она тут устраивала вечеринки, пропускала школу и шлялась по улицам, ты очень ошибаешься.

Эдриен сложила на столе руки, подалась вперед:

– Вечеринки? С кем? Я не пью, не курю, наркотиков не употребляю. У меня в том году намечалось что-то вроде бойфренда, но сейчас придется начинать с нуля. Я с десяти лет все время в почетном списке. А если бы я хотела часами шляться по улицам, то вполне при тебе могла бы. Ты бы не заметила разницы. Посмотри на меня! – Эдриен вскинула руки. – Я такая ответственная, что самой тошно. Потому что мне приходилось такой быть всегда. Ты проповедуешь баланс – окей, я как раз хочу сбалансированности. Чтобы меня не выдергивали из привычной жизни опять. Хватит.

– Если ты решительно настроена не ехать, я узнаю, могут ли тебя дедушка с бабушкой принять на пару недель.

– Мне бы очень приятно было бы к ним поехать, но я остаюсь тут. Я буду тут ходить в школу. Если ты мне не доверяешь, пусть меня Мими проверяет каждый день. Подкупи швейцаров, чтобы они докладывали, когда я прихожу и ухожу, – мне все равно. Я собираюсь по утрам вставать и идти в школу. Я собираюсь днем возвращаться и делать уроки. Я собираюсь делать упражнения для поддержки формы прямо здесь, в том самом чудном домашнем зале, что ты оборудовала. Я буду себе готовить еду или ее заказывать. Мне не интересны вечеринки, секс и пьянство до отключки. Меня интересует нормально начать учебный год. Вот и все.

Лина оттолкнулась от стула, встала, подошла к стене и уставилась на панораму Ист-Ривер.

– Ты так говоришь, будто... Я для тебя делала все, что могла, Эдриен.

– Я знаю. – Вспомнились бабушкины слова того давнего лета. *Твоя мама делает все, что может, Эдриен.* – Я знаю, – повторила она. – И ты должна мне поверить, что я не буду делать что-то, что тебе не понравится. Если не веришь в это, то поверь, что я никогда ничем не расстрою и не огорчу Поупи и Нонну. Чего я хочу – так это, черт меня побери, ходить в эту самую школу.

Лина закрыла глаза. Она могла настоять на своем, она здесь главная. Но какой ценой? И ради чего?

– Ты не должна приходиться после девяти или выезжать за пределы района – только к Мими в Бруклин.

– Если я захочу в кино в пятницу или в субботу вечером, пусть тогда будет до десяти.

– Согласна. Но ты должна согласовать это со мной или с Мими. Я не хочу, чтобы в эту квартиру ты пускала кого бы то ни было, пока меня нет – кроме Мими и ее родных. Или Гарри. Он едет со мной, но может вернуться на денек.

– Я не ищу компании. Я ищу стабильности.

– Кто-нибудь из нас – я, Гарри или Мими – будет каждый вечер звонить. В какое время – не скажу.

– Устраивать неожиданные проверки?

– Я готова положиться на твое желание вести себя ответственно. Но совсем не готова пустить все на самотек.

– Согласна.

Бриз пошевелил волосы Лины цвета жареных каштанов.

– Я... мне казалось, что тебе нравится ездить.

– Отчасти. Иногда.

– Если передумаешь, я тебе организую переезд к Мими или к бабушке с дедушкой. Или перелет ко мне, туда, где я буду.

Эдриен знала, что мама именно так и сделает и не будет постоянно повторять «я-же-тебе-говорила». От этого что-то в душе смягчилось.

– Спасибо, но у меня все будет нормально. Я буду занята в школе, и еще я сейчас изучаю колледжи. Еще у меня есть проект, который я хочу начать.

– Что за проект?

– Мне еще нужно о нем немножко подумать.

В свои шестнадцать Эдриен умела быть уклончивой, причем незаметно. Еще она умела сменить тему:

– А еще мне нужно купить пятифунтовый пакет «эм-энд-эмз», пару галлонов колы и пять-шесть пакетов чипсов. Базовые запасы, так сказать.

Лина слегка улыбнулась:

– Если бы я подумала, что ты всерьез, могла бы отправить тебя в нокаут и уволочь с собой. Мне пора, скоро придет машина. Я на тебя полагаюсь, Эдриен.

– Я не подведу.

Лина наклонилась, поцеловала Эдриен в макушку.

– Когда я сяду в Л-А, тут уже будет поздно, так что звонить не буду. Я напишу.

– Окей. Счастливого тебе полета и удачного турне.

Лина кивнула и пошла к выходу. Что-то кольнуло в груди, когда она обернулась и увидела, что Эдриен снова взялась за перо.

Продолжала писать как ни в чем не бывало.

Спускаясь по лестнице на нижний уровень, Лина вынула телефон и позвонила Мими.

– Привет, уже с дороги звонишь?

– Сейчас поеду. Послушай, Эдриен остается здесь.

– Эдриен – что?

– Она очень хорошо все аргументировала. Я понимаю, что это не твоя работа, но ты бы наверняка подумала, прежде чем устраивать турне национального масштаба на третью неделю нового учебного года, когда она только-только осваивается в новой школе. Я этого не учла. Секунду.

Она позвонила вниз:

– Бен, привет, Лина Риццо. Пришли, пожалуйста, кого-нибудь за моими чемоданами. Спасибо.

– Мими, я не могу ей не доверять. Она никогда не давала мне для этого повода. И видит бог, она пожестче, чем я о ней думала, и это очень для нее хорошо. Ты сможешь ей позвонить потом, послушать, какой у нее голос?

– Конечно. Если она хочет остаться здесь, когда ты уедешь, это можно организовать.

– Она так решила. Если передумает, я полагаю, она даст тебе знать, но сейчас она решение приняла – и точка.

– Дочь своей матери.

– Правда? – Лина остановилась у зеркала, посмотрела на волосы, на лицо. С виду – да. Она много своего видела в дочери. Но в остальном... может быть, она мало обращала внимания. – В общем, у нее все должно быть в порядке. Ты только ей позванивай время от времени.

– Не проблема. Я буду на связи и с ней, и с тобой. Лина, прости, – добавила Мими, когда из телефона послышались истошные вопли. – Джейкоб, видимо, снова решил убить сестру. Мне надо бежать, но тебе счастливого полета. И не беспокойся.

– Спасибо тебе, до связи.

Загудел дверной звонок, Лина пошла открывать.

И все мысли отодвинула в сторону. В полете надо будет кое-что подготовить, а впереди насыщенная программа.

Глава 4

В первое утро одиночества в Нью-Йорке Эдриен продолжала жить как обычно. Встала по будильнику, проделала утреннюю йогу. Приняла душ, разобралась с волосами – это всегда та еще задача – и слегка накрасилась. С косметикой у нее были нежные отношения.

Оделась в ненавистную школьную форму – синие брюки, белая блузка, синий блейзер. Каждый день, натягивая на себя форму, она давала себе клятву: после выпуска никогда не надевать синий блейзер добровольно.

Сделала себе завтрак из фруктовой смеси с греческим йогуртом, ломтя десятизернового хлеба и стакана сока.

Поскольку эту привычку Мими привила ей навеки, вымыла посуду и убрала постель.

Быстро глянула в телефоне погоду – обещалось продолжение солнечных теплых дней, – так что жакет она не стала брать.

Надела рюкзак и спустилась на частном лифте пентхауса.

На путь длиной в пять кварталов от дома до школы грех было бы жаловаться, особенно в такую прекрасную погоду. Это время Эдриен потратила на обдумывание своего плана отклонения от привычного режима.

И того единственного из оговоренных правил, которое она собиралась полностью игнорировать.

Зазвонил телефон, Эдриен глянула на экран:

– Мими, привет!

– Исполняю свой долг.

– Можешь маме сказать, когда спросит, что застала меня по дороге в школу. На самом деле, конечно, я туда не иду, а прыгну на поезд, идущий на Джерсийское побережье, там позагораю, по фальшивому документу куплю ящик пива и пойду в дешевый мотель заниматься бурным сексом с незнакомыми мужчинами.

– Отличный план, но я думаю, что в свой отчет его не включу. Милая моя, я знаю, что у тебя все в порядке, но нет ничего плохого, чтобы убедиться в этом.

– Я понимаю.

– Хочешь к нам приехать на уик-энд?

– Спасибо, но у меня все в порядке. Если переменится, увидишь меня на своем пороге.

– Если что-то будет нужно, звони.

– Обязательно. До связи.

И Эдриен убрала телефон.

У нее был резервный план – на случай, если первый не пройдет. Но она все продумала, навела справки и считала, что план «А» обладает реальным потенциалом.

Она прицепила бейджик на блейзер и стала подниматься по крутым каменным ступеням к солидному особняку из песчаника, служившему школой для классов с девятого по двенадцатый. Школой для тех, у кого хватает и ума, и денег.

Вошла в небольшой вестибюль с охраной.

Тишина, поблескивающий паркет, до блеска отмытые стены составляли резкий контраст с шумом, суетой и некоторой неопрятностью ее прежней школы.

И ей всего этого очень не хватало.

Два года, напомнила она себе, сворачивая от широкого входа в коридор налево. Два года, и она сама будет принимать решения.

В качестве предисловия одно она примет сегодня.

В начале старших классов ученики в основном создают собственные стаи. Найти место для новичка – это требует времени, а у нее меньше трех недель.

Она знала, что сложившиеся стаи ее изучают, оценивают, рассматривают. Сама Эдриен, хотя никогда не была застенчивой, тоже не спешила действовать.

На эту пару лет какой-то толк мог быть от спортсменов. Спорт как таковой никогда Эдриен не привлекал – в отличие от фитнеса. Модницы – это бывает интересно, а хорошую одежду она любит (еще одна причина ненавидеть школьную форму).

Тусовщицы интересовали ее не больше, чем до ужаса серьезные яйцеголовые.

Как всегда, в группе в целом попадались абызеры и снобы – часто в одном лице.

Ботаны же всегда, везде были смертельной угрозой для любой социальной группы.

Но для ее проекта нужны были именно они.

В обеденный перерыв она сделала выбор, который почти наверняка обнулял ее шансы встроиться в социальную иерархию.

В столовой Эдриен пронесла свой поднос – зеленый салат с жареной курятиной, фрукты и газированная вода – мимо стола спортсменов, подальше от модных девочек и к нижайшему звену, к столу ботанов.

Она уловила заминку в гуле разговора, несколько фырканий, когда остановилась возле стола этих трех аутсайдеров.

Проведя необходимые исследования – чтение прошлых номеров школьной газеты плюс ежегодник прошлого года, Эдриен своей целью поставила Гектора Санга.

Азиат, тощий как вешалка, черные очки в квадратной оправе, за ними – темно-карие глаза. Они теперь заморгали на Эдриен, а их обладатель остановился в процессе откусывания овощной пиццы.

– Не против, если я здесь сяду?

– У-гм, – ответил он.

Она улыбнулась и села напротив:

– Я Эдриен Риццо.

– Ага. Привет.

Сидящая рядом с ним девушка, кожа как сливочная карамель, на голове корона из кос, закатила большие, круглые, черные глаза.

– Его зовут Гектор Санг, и он думает, что тут никто, кроме нас, не сидит. А я Тиша Кирк.

Она ткнула через плечо большим пальцем с толстым серебряным кольцом на парня, который с напряженным и покрасневшим лицом сидел рядом с Эдриен:

– Третий, вот этот имбирный пряник, – Лорен Мурхед. У тебя примерно пять и три десятых секунды, чтобы отсюда смыться, пока не подхватила бациллу ботанства и не оказалась навеки изгнанной из общества.

Про Тишу Эдриен тоже материалы смотрела. Она шла наравне с до ужаса умными яйцеголовыми, но ботанская сущность мешала. Турниры «Подземелий и драконов» или марафоны «Доктора Кто» она предпочитала встречам «Общества национальной чести» или «Национальной программы стипендий».

– Ага. – Эдриен пожала плечами, брызнула лимоном в салат, откусила кусочек. – Полагаю, время истекло. Так что рада познакомиться, Гектор, Тиша и Лорен. В общем, Гектор, у меня для тебя предложение.

Он уронил пиццу на тарелку с легким всплеском.

– Чего?

– Деловое предложение. Мне нужен видеооператор, а поскольку ты этим увлекаешься, я подумала, что ты мне мог бы помочь в одном проекте.

Он посмотрел на своих друзей:

– Для школы?

– Нет. Я хочу сделать серию пятнадцатиминутных видеороликов, по одному на каждый день недели. Для некоторых нужен будет закадровый голос, для других – озвучка в реальном времени. Я думала поставить камеру на штатив и сделать самой, но не получается, что я хочу.

Наконец его взгляд вернулся к ней, и она увидела в этих глазах интерес.

– А что за ролики?

– Фитнес. Йога, кардио, силовуха и так далее. И выложить на Ютуб.

– Похоже, ты над нами издеваешься.

Она обернулась к Лорену. Его молочно-белое веснушчатое лицо обрамляли короткие резко-рыжие волосы. Еще у него были тускло-голубые глаза и фунтов пятнадцать лишних. Эдриен подумала, что могла бы ему помочь, если бы он захотел.

– Зачем бы? Мне нужен человек, который заснимет мои видео, за каждую часть я плачу пятьдесят долларов. За семь сегментов это будет триста пятьдесят. Цены обсуждаемы – в разумных пределах.

– Мог бы над этим подумать. Когда ты хочешь начать?

– В субботу утром – на рассвете. Я хочу сделать записи на восходе и на закате. У меня есть большая терраса, она отлично подойдет для этого.

– Мне наверняка понадобятся ассистенты.

Эдриен поела еще салата, подумала.

– Семьдесят пять за сегмент. И делите их как хотите.

– А когда рассвет? – поинтересовался Лорен.

Эдриен не успела ответить – потому что стала гуглить, – как Тиша сказала:

– В субботу восход в шесть двадцать семь утра. Закат в семь двадцать вечера. Время североамериканское восточное.

– Не удивляйся, – заметил Лорен. – Такие вещи она просто знает.

– Отлично. Значит, вам надо будет прийти заранее, установить там все и сделать, что вам нужно будет. Вот мой адрес и базовые сценарии. – Она вынула из кармана флешку и положила рядом с подносом Гектора. – Посмотрите, подумайте и дайте мне знать.

– Твоя мама – это которая «Йога-беби»?

Это спросила Тиша. Эдриен кивнула:

– Верно.

– А почему ты ее людей к этому не приставила? У нее же своя видеоккомпания.

– Потому что это для меня и мое. Значит, если решите предложение принять, мне надо будет получить для вас разрешение на проход. На это может уйти целый уик-энд, может быть, больше. Я не знаю, сколько вам понадобится времени на постпродакшн, чтобы все сделать как следует.

– Я посмотрю и завтра тебе скажу. – Гектор ей слегка улыбнулся. – Ты знаешь, твоя репутация сейчас и вправду сильно просела. Надеюсь, для тебя оно того стоило.

– Я тоже надеюсь.

Весь этот день ей пришлось игнорировать ухмылки, ядовитые замечания, смешки.

Когда она снова вышла на воздух, к ней подошел Гектор и его небольшое племя.

– Знаешь, вот что. Я тут успел посмотреть что-то из твоих набросков. Вроде бы выполнимо.

– Отлично.

– Мне только надо посмотреть сперва на это место – перед тем, как вписаться. Убедиться, что оно годится для того, чего ты хочешь.

– Могу тебе прямо сейчас показать, если у тебя время есть. Я живу в нескольких кварталах отсюда.

– Прямо сейчас – годится.

– Мы все пойдем, – сказала Тиша.

– Ну и отлично.

– Так вот. – Шагая рядом с ней, Гектор сдвинул очки на лоб. – Я в перерыве посмотрел пару роликов твоей матери. У нее же производство на высшем уровне? Есть у меня кое-какая хорошая аппаратура, но того качества, что она получает на студии, я дать не смогу.

– Мне не надо того, что есть у нее. Мне нужно свое.

– Я посмотрел материал о ней и о тебе.

Эдриен обернулась через плечо на Лорена.

Ботан для команды словесных боев, вспомнила она. В любую игру на физкультуре его выбирают последним, и он первый вызывается добровольно дежурить в холле.

– И?

– Люди всегда рады нести пургу и мазать грязью, так что я хотел сам посмотреть. Твоя мама действительно убила твоего папу.

Не в первый раз ее на эту тему подкалывали, но Эдриен должна была признать, что Лорен высказался прямее всех.

– Папой он мне не был, был лишь биологическим отцом. И в этот момент он пытался убить меня.

– С чего вдруг?

– Был пьян и зол. Может быть, сошел с ума, не знаю. Я тогда его видела в первый и в последний раз. А так как это было почти десять лет назад, то сейчас все это уже не актуально.

– Господи, Лорен, что ты вцепился клещом? – Тиша его ткнула локтем в ребра. – Твой дядя не отсидел разве за продажу инсайдерской информации?

– Ну да, но это же беловоротничковое преступление, а не...

– Сказал самый белый из всех белых мальчиков в белой мальчиковой истории, – перебила Тиша. – У Лорена семья – ВАСПы из ВАСПов. Три поколения высококлассных и высокооплачиваемых юристов.

– Потому-то он и любит спорить, – заметила Эдриен.

– Вот, ты поняла. Скажи ему «вверх», Лорен обязательно скажет «вниз» и будет час на эту тему распространяться.

– Верх и низ зависят от того, где находится наблюдатель.

Тиша снова ткнула его локтем в бок:

– Только не заводи его, а то не остановишь.

– Ну, мы уже стоим здесь, так что сперва внутрь, потом вверх. Привет, Джордж!

Швейцар широко улыбнулся Эдриен, открывая дверь.

– Как в школе дела?

– Как всегда. Это Гектор, Тиша и Лорен. Будут иногда заходить.

– Окей. Всем вам хорошего дня.

Они перешли через благоухающий вестибюль с несколькими эксклюзивными магазинчиками, по дороге Эдриен вытасила ключ-карту и прошла мимо ряда лифтов к тому, где было написано: «Частный. Пентхаус А».

– Если решите прийти в субботу, я ваши имена сообщу охране и приемной. Приемная позвонит мне, я разблокирую лифт.

– А ты высоко? – спросил Лорен на ходу.

– Сорок восьмой этаж. Уровень крыши.

– Ой-ой, – пробормотала Тиша, а Лорен побледнел. – У него боязнь высоты.

Поскольку этого не было в найденных о нем сведениях, Эдриен повернулась к нему с неподдельным сочувствием.

– Прости. Но тебе не обязательно выходить на террасу.

– Не так уж я высоты боюсь. – Он сунул руки в карманы. – Ничего страшного, все под контролем. Все под контролем.

Вряд ли, подумала Эдриен, видя, как покрылся испариной его правый висок. Но вслух ничего не сказала. Никто не любит, когда его смущают.

– Ну, в общем, в субботу сядете в другой лифт, и он вас вывезет на главный уровень, входная дверь. Смахнете экран и введете код тревоги.

Тиша шевельнула бровями:

– Во пафосно!

Эдриен пожала плечами:

– Мать любит пафосное.

Дверь лифта открылась в домашний гимнастический зал Лины. Вдоль зеркальных стен шла стойка со свободными весами, ее с двух сторон окружали стойки и полки – гимнастические мячи, маты и блоки для йоги, гимнастические ленты, скакалки, медицинские мячи и гири.

На стене над длинным и узким газовым камином висел широкий плоский экран, занимая всю ее центральную часть. В небольшой открытой кухоньке винный холодильник заполняли энергетические напитки. В ящике со стеклянной стеной стояли бутылки для воды с эмблемой «Йога-беби».

Стеклянная стена-дверь отделяла широкую террасу и вид на лежащий внизу город.

– А тренажеров нет? – Тиша стала обследовать помещение.

– Твое тело – самый лучший тренажер. Так в мире моей матери.

– Ну, органическое строение отличается от механического.

– У Терминатора было и то, и другое, – напомнил Лорен.

– До Скайнета еще годы и годы, – заметила Тиша. – Но я так поняла, она имеет в виду, что ты пользуешься собственным телом, его весом, держишь его в нужном режиме и так далее.

Эдриен выждала секунду.

– Верно. Слева за кухней – ванная, если кому-нибудь надо. – Эдриен отперла и раздвинула стеклянную дверь. – Я хочу снимать видео здесь.

– Впечатляет. – Гектор вышел наружу. – Впечатляет. Надо будет подвигать мебель, чтобы освободить место. – Он глянул туда, где под крышкой на платформе булькала горячая ванна. – А это отключить. Кое-какие городские шумы будут доходить даже на такой высоте, но это добавит эффекта. Если снимать в эту сторону, фоном станет река.

– И восход, – добавила Эдриен. – Для закатных съемок выберем другой день. Отсюда виден небоскреб «Крайслер» и «Эмпайр-Стейт». Не знаю вот, что лучше будет для позднего утра или дня. Я просто хочу с разными подходами.

– Ага, ага. Попробую сунуться к отцу за кое-какой аппаратурой, направлять свет. Может, он мне доверит свою классную камеру.

– У Гектора отец – кинематографист, – сказал Лорен, стоящий в дверях, где остановился. И остался. – Работает в «Синей линии» – про полицию. Слушай, а тут есть чего попить, кроме всего этого здорового? Типа, ну, газировки сладкой?

– В этом доме под запретом. Но к субботе я принесу. А тут в кухне есть сок.

– Проживу и без него.

– Окей, значит... – Гектор обошел террасу по кругу, прикидывая ракурсы. – А можем типа порепетировать, один сегмент? Чтобы почувствовать как следует?

– Конечно. Только мне переодеться надо, работать в этом я не могу.

– Давай тогда ты этим и займись? – предложила Тиша. – Мы с Гектором мебель сдвинем, а Лорен пусть сходит колы принесет.

– Внизу прямо в вестибюле есть магазин, если хочешь. – Эдриен подошла к своему рюкзаку, достала десять долларов. – Я угощаю.

– Отлично.

Когда Эдриен переделась в штаны и майку для йоги, Гектор и Тиша уже сдвинули два стола, два дивана и стул на дальнюю сторону террасы.

Эдриен принесла коврик для йоги, сориентировала его так, чтобы смотреть на юго-запад.
– Я это однажды проверяла. Ты сможешь взять в кадр меня, реку и восход.

– Я сейчас буду снимать на свою камеру, просто посмотреть, как будет. Потому что свет будет другой и вообще все, но можем прикинуть тайминг и ракурсы, и мне проще будет планировать.

– Класс. – Она оглянулась на открывшуюся дверь лифта. Лорен положил ключ-карту на ее рюкзак, потом поставил пакет на стол в кухне.

– Кола, чипсы и всякое такое.

Эдриен подумала о матери и не могла не засмеяться:

– Впервые с момента нашего переезда что-то подобное пересекло порог дома.

– Господи, а что же вы едите?

– В смысле, чем перекусываем? – Эдриен улыбнулась Лорену, раздающему колу. – Фрукты, сырые овощи, хумус, миндаль и жареный батат иногда допустимы. Не так оно все плохо, я привыкла.

– Строгая у тебя мать.

– Фитнес и диета – это ее религия. Она сама выполняет то, что проповедует, так что трудно слишком на это злиться. Ладно. – Она вышла и встала перед ковриком. – Значит, я говорила, что это я хочу сделать без звукозаписи, а потом наложить закадровый голос.

– Пятнадцать? – Тиша вытаскила телефон. – Буду отмечать время.

Эдриен эту программу отработывала без конца, подстраивала, пока не почувствовала, что именно теперь она отвечает поставленной цели. Мягкое, вежливое и... да, красивое – приветствие восходящему солнцу.

Она отключила мысли.

Поскольку к камере и операторам она привыкла, снимая видео с матерью, Гектор и его друзья ее не отвлекали. Закончив с шавасаной, она заговорила под запись:

– Я буду здесь говорить, так что вы не думайте, будто я просто заснула. Закадровый голос будет учить, как дышать, как разгрузить разум, сделать его пустым, полностью дав свободу телу. От пальцев ног, потом лодыжки, голени и вверх, как визуализировать мягкие цветные переливы света на вдохах, изгнать тьму и стресс на выдохах.

– У тебя осталось девяносто секунд, – сказала Тиша.

– Так и должно быть. Я останусь в шавасане столько, сколько они захотят, а потом...

Она вытянулась, руки над головой, потом повернулась на бок, подтянула колени, плавно перекатилась в позу со скрещенными ногами в середине коврика.

– Позиция медитации, – сказала она, кладя правую руку поверх левой так, чтобы большие пальцы соприкасались. – Вдох, выдох, прочее ля-ля. – Она сложила руки на животе, наклонилась вперед. – Благодарность себе за сделанное упражнение, за то, что продолжаешь упражняться, а потом...

Она снова села ровно, сложила руки ладонями вместе, склонила голову:

– Намасте. Вот и все.

– Пятнадцать минут четыре секунды. – Тиша, поджав губы, кивнула: – Вот это класс.

– Ну ты и гибкая. – Лорен боком, по стеночке выбрался на террасу, сел на диван и жевал чипсы. – Я даже до носков ботинок достать не могу.

– Гибкость – вещь важная. Но приколом в том, что гибкому приходится тянуться гораздо сильнее, чем негибкому, чтобы хоть какого-то эффекта добиться. «Я могу ему помочь», – снова подумала Эдриен. – Встань, попробуй дотянуться до стоп.

– Да ну, неловко.

– Неловко, только если не пытаться.

Он посмотрел на нее неуверенно, но согнулся в поясе, опустив руки. Пальцы не доставали до носков дюймов на шесть.

– Ты чувствуешь напряжение.

– Черт, еще бы!

Она повторила его позу.

– А я нет. Совсем ничего, пока до конца не согнусь. – Она потянулась, положила ладони на пол, носом уперлась в колени. – А эффект у нас один и тот же. Вставай, теперь вдохни. Нет, когда вдыхаешь, надо шарик надувать. Заполняй легкие, расправляй живот.

– У меня он и так расправлен двадцать четыре на семь.

Он засмеялся, остальные подхватили. Эдриен только улыбнулась:

– Ты попробуй. Вдыхай, наполняй шар. Теперь ты его будешь сдувать, притягивая живот к спине, одновременно сгибаясь, чтобы достать носки.

Он попробовал, она кивнула:

– И уже на целый дюйм ближе. Дыхание, тут вся штука в дыхании.

Она оглянулась и увидела, что Гектор, прислонившись к стене, рассматривает дисплей камеры.

– Как смотрится?

– Окей. Изучу эту штуку и определю ракурсы. Поговорю с отцом, чтобы дал мне кое-какую аппаратуру. Тебе же надо будет еще и звук записывать для всего этого, и что-то еще вроде интродукции или предисловия?

– Да, я над этим работаю. О, спасибо!

Она взяла колу, протянутую Тишей, машинально отпила. Остановилась, закрыв глаза. – Ох ты, до чего ж чертовски здорово!

– У меня еще минут двадцать до того, как мне надо будет домой. – Гектор выключил видео. – Может быть, можем поработать над вступлением и над переходами между сегментами?

– Можем завтра устроить мозговой штурм. – Лорен еще раз попробовал достать носки. – В перерыве на ланч, если ты рискнешь сесть с нами второй день подряд.

– Рискну.

Когда они ушли и Эдриен выбросила пустые бутылочки из-под колы и пакеты от чипсов, она поняла, что не просто нашла производственную команду для своего проекта.

Она нашла свое племя.

Они устраивали мозговой штурм за ланчем, репетировали и уточняли подробности после школы.

В пятницу вечером Эдриен заказала пиццу и напитки. Помогла своей команде установить аппаратуру, которую раздобыл Гектор. Стойки светильников, шторы и гель для вечерних съемок, отражатель, зонтик для дневных съемок, микрофон, кабели.

Из того, что выпросил или одолжил Гектор, они сделали самодельную студию.

Они ели пиццу в столовой главного уровня под Лоренов плей-лист из хитов восьмидесятых. Когда «Wham!» потребовал пробуждения, Эдриен в конце концов должна была спросить:

– Почему восьмидесятые?

– А почему бы и нет?

– Потому что никто из нас еще не родился тогда?

Он покачал пальцем:

– Это причина типа «почему», а не «почему нет». Чуваки, это история – история музыки. Я подумываю составить следующий, на девяностые. Знаешь, проанализировать социальную ткань – где игралась эта музыка – в десятилетие нашего рождения.

– Затея истинного фрика.

– Согласен. – Он откусил еще кусок пиццы. – В музыке я шарю, люди.

– «Музыкант», – сказала Тиша, прожевывая пищу. – Роберт Престон, Ширли Джонс – киноверсия 1962 года. Престо еще играл главную роль в бродвейской постановке пятьдесят седьмого с Барбарой Кук в роли Мэриан.

– Откуда ты это знаешь? – удивленно уставилась Эдриен. – И зачем?

– Читает и запоминает, – ответил Гектор.

– А вот надо бы мне сделать плей-лист бродвейских мюзиклов. Вот это будет по-настоящему, по-ботански.

– Тут ты прав, сынок. – Гектор огляделся. – Вот это пространство впечатляет.

– Это говорит деточка, которая неделю живет в особняке и неделю в пентхаусе, очень похожем на вот этот вот.

Тиша глотнула колы.

Гектор пожал плечами:

– Родители развелись, и я между ними болтаюсь. Отчим с мачехой пока что вполне себе. От отца у меня завелся маленький братик, от матери – сестрица. Классные.

– Я когда-то хотела брата или сестру. Но пришлось перехотеть, потому что этого никогда не могло случиться. А у тебя?

– Два старших брата, и родители держатся вместе, как приклеенные, – ответила Тиша. – Братья, в общем, ничего, кроме тех случаев, когда сильно достают.

– Сестра. – Лорен отделил от пиццы пепперони, сунул в рот. – Десять лет. Когда-то родители разъехались на полгода, проработали ситуацию, съехались снова и вот – принцесса Розалинда. Несколько трудноватый ребенок.

– Несколько? – засмеялась Тиша.

– Ладно, законченная зараза. Но она дико избалована, так что это не ее вина. А ты вот – единственное дитя, – сказал он Эдриен. – Все внимание – тебе.

– Все внимание у матери отбирает работа, мне – что останется. Но меня устраивает, – быстро добавила она. – Это значит, что она не воспитывает меня каждую минуту. И я хочу начать собственную карьеру. Вот вы мне в этом и помогаете.

– А когда ты станешь звездой Ютуба... – Тиша преувеличенно глубоко вздохнула, – мы так и останемся тремя ботанами, а ты уйдешь сидеть за столом с крутыми ребятами.

– Исключено. Ботанский стол для меня теперь надолго, но я должна быть почетным ботаном.

– Не почетным, а вполне реальным, – возразил Гектор. – Ты пьешь морковный сок и гранолу ешь по собственной воле. У тебя мать уехала на пару недель, а ты работаешь вместо того, чтобы с цепи сорваться. Ты – ботан фитнеса.

Она никогда не считала себя ботаном ни по каким стандартам, но перед сном, закончив упражнения йоги и накрывшись одеялом в десять, она поняла, что термин ей подходит.

И ей было на это наплевать.

Глава 5

Они начали работать в субботу до рассвета. Эдриен устала ставить столики, которые называла «крафт-сервисы», соками, бубликами, свежими фруктами и еще, зная теперь, что все трое ее друзей любят кофе с добавками, поставила кофеварку с этими самыми добавками.

Ей придется потом хранить это у себя в комнате, потому что у Лины строгое правило: дом без кофеина.

Удовлетворенная первой частью – свет оказался идеальным, – она пошла переодеться и, может быть, поправить волосы перед началом следующего.

Тиша пошла с ней как помощница по гардеробу.

Если Тиша и не ожидала, что Эдриен разденется догола, ни капли не покраснев, как только закроется дверь спальни, то постаралась этого не выдать.

– Я хотела посмотреть, смогу ли заколоть волосы сзади, но, если только бетоном не сбрызнуть, вряд ли они выдержат пятнадцать минут кардиотанца.

Тиша поджала губы, глядя, как Эдриен влезает в узкие и тесные легинсы до середины икры.

– А почему не заплести косы с боков и не заколоть их сзади?

– Косы? – Эдриен натянула синий спортивный лифчик. – С такими вот волосами?

– Ну и что? У меня волосы африканские, а видишь эти косы? Я сделаю. У тебя есть какие-нибудь фиксаторы?

Эдриен натянула ярко-розовую майку. И поскольку записывала программу с мотивами хип-хопа, то завязала клетчатую худи вокруг пояса и надела хай-топы.

– Разве что только отчаяние и надежда.

– Садись, подруга. Сейчас сделаю.

И она сделала.

Эдриен уставилась в зеркало, потрясенная результатами.

– Не могу поверить. Это чудо. Выглядит симпатично и модно, что ли, но сдержанно. Тебе придется меня этому научить.

– Могу. – Тиша улыбнулась в зеркало. – Приятно, знаешь ли, когда еще одна девушка приходит в компанию. Мне это придает равновесия. Знаешь, Рицц, может, ты меня немножко научишь йоге? Похоже, это интересно.

– Так и есть. И я тебя научу.

И сегмент с кардиотанцем тоже получился интересный. Пришлось сделать три дубля, пока все согласились одобрить работу Лорена со звуком, Гектора с камерой и Тишу, что металась от одного к другому.

Когда прибыл заказанный Эдриен ланч, были готовы три сегмента. До ужина успели сделать еще два и закончили день вечерней йогой на закате.

– Я не думала, что мы так много успеем за один день. Теперь остается только сеанс работы для всего тела, закадровый голос и введение. – Эдриен плюхнулась на стоящий на террасе диван. – Может, я еще сделаю десятиминутный бонус.

– Я прожгу одну копию, – решил Гектор. – Хочу немного с ней поиграть.

– В смысле?

– В смысле кое-что попробовать. Если не получится – не страшно, у нас есть оригинал. А не начать ли нам завтра в десять примерно? Если будем держать такой темп, справимся за день-два. Этапы производства, редактирования, ла-ди-да, и готово будет к концу недели. Если надо будет что-то переснять, включим и это, но я думаю, что все у нас в порядке.

– Это будет восхитительно.

Когда они ушли, подмета все остатки обеда и ужина, дело было к полуночи. Эдриен вытянулась на кровати и улыбнулась в темноту.

У нее были друзья, была работа, был путь, и она точно знала, куда именно хочет по нему прийти.

* * *

Съемки продолжались вечером. Эдриен сперва записала введение, чтобы не вспотеть и не переодеваться лишней раз. Глядя в камеру на фоне города, она заговорила:

– Здравствуйте! Я – Эдриен Риццо, а это – «Самое время».

И она стала читать рекламный текст, подчеркивая достоинства каждого сегмента, напирая на продолжительность в пятнадцать минут, возможности воспроизвести их по одному или в сочетаниях.

– А ты хороша, – сказал ей Гектор. – Я иногда болтаюсь возле своего старика, когда он снимает. Актеры не могут – ну, и вряд ли когда-нибудь смогут, – сделать это за один прием.

– Я тренировалась, и много.

– Получилось отлично, но давай сделаем еще дубль, просто как резерв. И можешь больше ходить, я за тобой успею.

Видео закончили к полудню. Еще нужно было поставить мебель на место, а потом нашли самое тихое место в триплексе: гардеробную матери.

– Вау! – Тиша, вытаращив глаза, побрела по беспощадно организованной комнате. – У твоей матушки потрясающие шмотки. Я думала, что моя – щеголиха, но твоя ее одной левой. Это как... – Глаза ее забегали из стороны в сторону. – Сотня пар туфель. Двадцать шесть – спортивной обуви. Цвета отличные.

– Так было, когда она делала видео или выступала, – ей давали одежду для выступлений и туфли. Производители упоминались в титрах на дисках, а одежда оставалась ей. Сейчас у нее своя линия.

И у меня будет, подумала Эдриен. Когда-нибудь.

Она встала в центре комнаты. Ноут Гектора стоял перед ней открытый на полке, включен был первый сегмент йоги.

– Микрофон с поп-фильтром, – сказал Гектор, закрепляя его на стойке. – Так что тебе не надо следить, как говорить «п», и вообще заморачиваться. Мне отец разрешил его взять. И наушники тоже. Каждый надевает пару наушников и молчит как рыба. Кому приспичит пукнуть – держись, хоть лопни. Лорен на звукозаписи. Когда начнет, я даю тебе сигнал, запускаю видео, и ты начинаешь говорить.

– Ясно.

Она надела наушники, сделала медленный расслабленный вдох. Когда Гектор взмахнул в воздухе пальцем, она начала.

– Приветствуем утреннее солнце. Становимся на коврик.

Когда она закончила, сделав «намасте», Гектор выждал секунду и дал Лорену сигнал «стоп».

– Офигительно хорошо. Лорен, скажи, что ты все записал, потому что было просто офигительно!

– Звук хорош. Тут по-настоящему тихо. Все внутри стен. А она – в смысле, ты, Эдриен – звучала... ну, типа, успокаивающе.

– Значит, получилось. Можем тогда работать дальше и сделать сейчас закатный, раз мы разогнались?

– Это пять, блин! – сказал Гектор и стал настраивать аппаратуру.

В конце работы Лорен стащил с себя наушники и вскинул вверх большие пальцы:

– Чуваки, мы сделали золото!

– Надо проиграть, проверить, что все сработало так, как отец мне обещал. Он сказал, что если где какая накладка, чтобы я к нему обратился, и он нам поможет.

– Звучит хорошо, – сказала Эдриен.

– Ага, он вообще ничего мужик.

– Отнесем это вниз. – Выдохнув, Эдриен согнула плечи. – Сядем, расслабимся и все проверим.

– И пиццу закажем.

Она глянула на Лорена:

– Пиццу мы заказывали в пятницу.

Тиша, поднявшись со своего сиденья на полу, склонила голову набок:

– И что ты этим хочешь сказать?

– Окей, закажу пиццу.

Она запаслась банками колы и знала, что от них и следа не должно остаться в квартире к возвращению матери. И слегка опасалась, как бы у нее не выработалась привычка к ним, от которой избавиться будет труднее.

Но сейчас, хлопнувшись на диван рядом с Тишей, пока Гектор настраивал видео, она решила, что оно того стоит. Все это того стоит.

– Ты уверен, что я говорю нормально? Не занудно?

– Спокойно говоришь, – сказала Тиша. – Успокойся, Рицц.

– Успокаивающе, – уточнил в тот же момент Гектор.

– А метки точно работают? Постойте! Сейчас узнаем. Я принесу пару ковриков, а Тиша и Лорен будут выполнять упражнения.

– Чего? Я этого не умею.

Эдриен бросила взгляд на Лорена, убегая к лестнице.

– Откуда ты знаешь? А я тебе покажу, как их модифицировать. Потом мы с Гектором будем делать закатный сегмент.

Гектор хотел было возразить, но она уже взбегала на третий этаж.

– Я этого не умею, – повторил Лорен, и его взгляд маятником мотался между друзьями. – Меня вырвет, или я чего-нибудь сломаю.

– Да все ты умеешь.

Тиша встала, и тут Эдриен прибежала с ковриками.

– Самое то, что нам нужно, чтобы удостовериться. Проверить наши сегменты. Мне бы раньше надо было подумать. Выгаскиваем на террасу. Свежий воздух, и места хватает.

– Я в игре. – Тиша подошла и открыла дверь на террасу главного уровня. – Пошли, Лорен. Не будь такой мямлей.

– Если меня стошнит, я не виноват. И от высоты у меня может быть головокружение.

– «Головокружение», 1958. Классика Альфреда Хичкока с Джимми Стюартом и Ким Новак в главных ролях. – Тиша пожалала плечами. – По телевизору видела.

Лорена не стошнило, но пыхтел он очень много. И мучительно краснел, когда Эдриен подходила и руками поправляла его стойку или положение бедер или плеч.

– Получается, – тихо сказала Эдриен Гектору. – Я вижу, что получается. Оба полные новички, но следуют рекомендациям. Им нужно только помочь, нужна практика. Но на то она и йога. Это постоянная практика, так что... ага, пицца. Я возьму.

Увлеченная работой, Эдриен схватила деньги, которые оставила на столе внутри, и побежала, танцуя, к двери.

Открыв ее, застыла.

– Вечеринка с пиццей?

Две коробки с пищей держал Гарри Риз, директор по рекламе у Лины. Левая бровь у него выгнулась вверх, как бывало у него от сарказма или веселья – или того и другого сразу. Как всегда, он выглядел подтянутым и стильным в черных джинсах, черном кожаном пиджаке на светло-серую футболку и невысоких черных ботинках.

– Гарри. Я не думала, что ты вернешься, пока...

Он склонил голову набок:

– Пока это тебе ничем не будет грозить?

– Нет, не в этом дело. И это не вечеринка, это работа.

– Ну да, ну да. – Он вошел в фойе – шесть футов красоты, идеально уложенные русые волосы, умные карие глаза и лицо, про которое бабушка говорила, что его вырезали искусные в волшебстве эльфы.

– Правда работа! Можешь сам убедиться. – Она взяла у него коробки пиццы. – Мои друзья и сотрудники.

Она показала на стеклянные двери, за которыми Тиша и Лорен все еще пытались повторить упражнения, а Гектор скалился, глядя на них.

Еще она увидела – и Гарри тоже – бутылки из-под колы, пакеты чипсов, пары кроссовок, чью-то худи, все это разбросанное по жилой части.

– Это она тебя послала меня проверить?

– Нет. Я на пару дней приехал домой, потому что у Лины весь сегодняшний день и завтрашний выходные, а я хотел тут кое-что с чем разобраться. И повидаться с Маршем. Разносчика пиццы я встретил внизу и взял заказ на себя.

– Спасибо.

Маршалл Таккер и Гарри были вместе уже три года, и, хотя Эдриен обожала их обоих, все равно про себя выругалась, что так не вовремя.

– Ты меня представишь своим друзьям?

– Конечно. Гарри, послушай...

– Я тебя не заложу, что у тебя друзья собрались. Если не окажется, что вы тут устроили оргию, а меня не пригласили.

– Если бы. Нет, мы работаем, честно. У меня есть проект, а они мне помогают его сделать.

Может, под ложечкой и сосало, когда она прошла в двери, но Эдриен изо всех сил старалась излучать уверенность.

– Ребята, остановимся. Это Гарри, директор по рекламе у моей матери.

Может, они могли бы сделать более виноватый вид, но Гарри подумалось, что это им стоило бы немалых трудов.

– И как оно? Заниматься йогой на свежем воздухе и заедать ее пиццей. Звучит отлично.

– Гарри, это Гектор, Тиша и Лорен. Мы вместе учимся.

Значит, она уже завела друзей, что он считал положительным – что и говорил, отставив ее интересы, когда Лина решила ее перевести в предпоследнем классе.

– Мы делаем видео, – продолжала Эдриен. – Гектор – оператор. Его отец нам одолжил кое-какую аппаратуру.

– О как? – Гарри подошел к компу. – И что за видео?

– Фитнес-ролик из семи сегментов. Потом выложим на Ютуб.

– Для школы?

– Нет. Не для школы.

– Можно мне пока перестать, если так? – Лорен отвел волосы назад. – Я вспотел.

Гарри обошел вокруг стола посмотреть на экран ноутбука, где Эдриен на паузе держала позу воина-II на фоне реки и восходящего солнца.

– Ух ты. Свет потрясающий.

– Это первый пятнадцатиминутный сегмент. Приветствие Утреннему Солнцу. Мы сейчас как раз его пробуем.

– Ни в коем случае не позволяйте мне вам мешать. Гектор?

Гектор, который осмотрительно молчал, сдвинул очки по носу вверх и кивнул:

– Слушаю, сэр.

– Господи, давай без «сэра» обойдемся. Как насчет пустить дальше?

– Да, конечно.

Продолжаем смотреть на правую руку, поворачиваем ладонью вверх, потом поднимаем руку над головой, смотрим на ладонь, а левую опускаем вниз, к левой ноге, и переходим в обратную позу воина.

– Я за колой. Кому еще колы?

Тиша сделала Лорену большие глаза:

– Тсс!

– Что такое? Я пить хочу.

– Запаслись на целый класс? – спросил Гарри, не отрывая глаз от Эдриен на экране. – Я бы тоже не отказался. И пицца отлично пахнет. Ценой одного ломтя можно купить мое молчание.

– Я тарелки принесу и приборы, – вызвалась Тиша.

– Спасибо, Гарри, – добавила Эдриен.

– Тихо! – Он жестом велел ей не подходить, посмотрел еще минуту и нажал паузу. Снова посмотрел на Гектора.

– Это ты снимал?

– Да, сэр. То есть да, я.

– Сколько тебе лет?

– Э-хм... семнадцать.

– Так ты что же, блин, вундеркинд?

Гектор опустил плечи, ссутулился.

– Сегментов всего семь, Эдс?

– Да. Я думала, семь для...

– Сколько вы уже закончили?

– Семь.

– Господи Иисусе. Покажи мне другой какой-нибудь.

– Кардиотанец. Это инструкция на восемь счетов, кумулятивная, повторять до тех пор, пока не сделаешь все целиком, и мы это исполняем три раза. Музыка я взяла из паблик домена. Это ничего, нам только ритм нужен.

Он смотрел первые несколько минут, взяв стакан колы из рук Тиши.

– Сменила костюм и прическу, ракурс другой на фоне города – это хорошо. Свет и звук тоже хороши. У тебя есть индивидуальность и талант, Эдриен, и всегда были.

Он сам нажал на паузу, выпрямился.

– И вы этого на Ютуб выкладывать не будете.

– Гарри!

– Вы не будете это выкладывать на Ютуб, когда у твоей матери есть производственная компания.

– Это мое. Это сделали мы, и ей это не принадлежит.

Он медленно отпил колы, глядя в упрямое лицо Эдриен.

– У тебя есть продукт, у нее – средства его распиарить и выставить на рынок. Если все остальное не хуже того, что я видел, то я за тебя вписываюсь. Если нет, вы это делаете, чтобы было не хуже, и я все равно за тебя вписываюсь. Как это у тебя называется?

– «Самое время». А моя компания – «Новое поколение». Моя компания – она будет, когда я все это запущу.

Он улыбнулся:

– Вот я и собираюсь тебе помочь это запустить. Не будь глупой, не отказывайся использовать то, что у тебя в руках, Эдс. Агента твоей матери, ее отлично работающую компанию, меня. «Новое поколение» – название хорошее, и пока что эта производственная компания может существовать под широким зонтиком «Йога-беби». Дивиди, Эдриен. Агент, юристы, ты и твоя мама проработаете все детали и договоритесь. Ты получишь деньги вперед, получишь солидный процент с продаж. Даже львиную долю – я тут за тебя буду воевать, не беспокойся. Тут я на твоей стороне.

– Ты всегда на моей стороне.

– Что да, то да. – Он протянул руку – притянуть ее поближе к себе. – Ты знаешь, что мне можно доверить эту работу – меня не обдурят.

– Я тебе доверяю.

– Так слушайся папочку. Дай мне представить это твоей маме – когда я сперва сам все посмотрю.

Раздумывая, стараясь взвесить все за и против, она по-настоящему хотела сделать все сама, но...

– Ребята, у вас тут тоже есть право голоса. Мы вместе работали.

– Да, но проект твой, – напомнил Гектор.

– Диски – это круто. Ну, на продажу там и вообще. Ну, я же только... – добавил Лорен, когда Гектор на него уставился. – Я хочу сказать, Ютуб – тоже круто, но если взглянуть на картину в целом...

– Тиша?

Тиша приподняла плечи:

– Тебе решать, тут Гектор прав. Но работу мы сделали отличную. Я серьезно.

Эдриен задумчиво подошла к стене, посмотрела наружу, вернулась.

– Допустим, сделаем по-твоему. Допустим, мама согласится производить и продавать. И моя производственная компания будет на дивиди, под зонтиком, как ты сказал. И меня напишут исполнительным продюсером и хореографом.

– Справедливо.

– Гектор будет указан как продюсер и видеорежиссер. Лорен как продюсер и звукорежиссер, Тиша как продюсер и мастер по свету. И за каждый отдельный ролик они получают фикс...

– Фикс? – начал было Лорен, но Гектор махнул ему заткнуться.

– И пять процентов итоговой прибыли. Каждый.

– Реально, я думаю, твой агент скажет – два процента.

– Обсудим. Если до этого дойдет.

– Дивиди вроде этого продаются по – это будет набор из двух дисков из-за размера... – Тиша, закинув голову, посмотрела в небо, – примерно 22.95.

– Она уже бренд, – напомнил Гарри. – Набор из двух дисков будет примерно 29.99.

– Окей. Учитывая, что инвестировала Эдриен, затраты на производство и изготовление, производство обложки и футляра, скидки поставщика, стоимость маркетинга... возьмем прибыль нетто 10.50, но это только догадка, надо кое-что посмотреть. Так что это – при двух процентах, типа двадцать один цент на каждого из нас с продажи, сверх платы по шкале. Может быть, продадутся порядка ста тысяч копий. Это примерно двадцать – двадцать одна тысяча долларов. Каждому.

– А если учесть поддержку «Йога-беби», бренда Риццо, свежий подход? – Гарри смотрел на Тишу изучающим взглядом. – Можно проектировать продажу в миллион.

Она уставилась на него в ответ.

- Два процента – хорошо.
- Вы вундеркинды?
- Мы ботаны, – ответил Гектор.
- Ладно, ботаны, пожужим пиццы и посмотрим, что у вас тут есть.

Когда видео закончились, а от пиццы остались лишь приятные воспоминания, Гарри откинулся на спинку.

– Окей, мальчики и девочки, окей. По моему абсолютно нескромному мнению, у вас тут кое-что есть. Гектор, можешь мне записать дивиди?

– Запросто. И могу скинуть файл на почту.

– И скинь тоже. Я лечу в понедельник днем поймать Лину в Денвере. Покажу это ей, дам подачу. – Он встал, повел плечами, обходя террасу. – Для продаж перед праздником не успеем произвести, продвинуть и распространить, но можем поспеть к январскому пику угрызений совести, когда возникает покаянный интерес к фитнесу.

Он обернулся:

– Дорогие ботаны! Если вы еще не сказали родителям, чем занимаетесь, то сейчас самое время. Понадобится их разрешение, чтобы вы подписали контракты. – Он полез в карман, достал серебряную визитницу и положил несколько карточек на стол. – По всем вопросам ваши родители могут обратиться ко мне. Гектор, файл скинь на адрес на карте. И будьте готовы – это дело пойдет быстро.

Гектор тщательно пометил только что записанный диск.

– Мой отец знает. Ну, в смысле, кроме того, что сегодня. А вообще-то он тоже в этом бизнесе.

Уложив диск в футляр, он подал его Гарри.

– Тогда хорошо, мне пора домой. Спасибо за пиццу.

– Ты за нее платил, – напомнила Эдриен, вставая его проводить.

– Ты права. Всегда готов повторить. – Он обнял ее за плечи по дороге: – Мими знает?

– Нет.

– Скажи ей. Она будет на твоей стороне.

– Окей, только, Гарри...

– Верь мне. – Он поцеловал ее в макушку. – Я с тобой.

Не успела закрыться дверь, как терраса взорвалась воплями радости и начался неуклюжий танец.

Это они Лину Риццо не знают, подумала Эдриен. Но черт возьми, зато Гарри в нашем углу ринга.

И она сделала колесо.

Примерно через тридцать шесть часов на высоте тринадцати тысяч футов Лина посмотрела два сегмента на ноутбуке Гарри. Отпила газированной воды – без льда. Самолет летел к Далласу.

– И таких семь?

– Семь.

– Надо было ей сделать шесть десятиминутных сегментов, чтобы был ровно час.

– Набор из двух дисков, интродукция и введение и три сегмента в первый день, четыре сегмента во второй. Два часа ровно. Пятнадцать более или менее обязывает, а объединив два диска, получаешь получасовую тренировку.

– А что за музыка в этой кардиопрограмме? И что за костюм?

– Это хип-хоп, Лина. Хороший, свежий, энергичный мотив. И забавный, вот она и оделась ему под стать.

Лина только покачала головой и посмотрела следующие два сегмента. Зная повадки своей дичи, Гарри ничего не сказал.

– Ты об этом ничего не знал?

– Нет. Она хотела сделать все сама. Предприимчивая, находчивая и сосредоточенная на работе. Нашла в школе единомышленников с нужными умениями, чтобы помогли это реализовать. Хорошие ребята.

– Ты с ними пробывл часа два и уже так уверен?

– Ага. И еще говорил с их родителями, но да – явно хорошие и умные ребята. Серьезно умные, – добавил он. – Лина, она завела себе друзей и с ними сделала нечто выдающееся.

– А теперь она, ничего мне не сказав, сделала все за моей спиной, когда я отлучилась из города, она ждет от меня не только одобрения, но еще и что я это пушу в производство?

– Она не ждет. Это я жду. Можешь думать, что она что-то делает за твоей спиной, а можешь думать, что она хочет сделать что-то свое. Проявить себя. И ты не можешь, видя, что она сделала, сказать, что она себя не проявила. Ты должна ею гордиться.

Лина смотрела в стакан, медленно отпила из него.

– Я же не отрицаю, что она сделала приличную работу. Но...

– Вот тут остановись. – Он поднял руку. – Не давай характеристик. И мы оба знаем, что это чертовски хорошая работа. Позволь отложить в сторону мои личные отношения с тобой, с Эдриен и сказать как твой директор по рекламе. Ты ей помогаешь основать ее компанию, ты продюсируешь набор двух дисков, ты ей помогаешь запустить ее собственный бренд. И ты придашь ему немножко собственного блеска.

– Кучка подростков в качестве продюсеров?

– Это крючок, Лина. – Он усмехнулся очень широко. – Ты в блестящих золотых крючках понимаешь не хуже меня. И вся эта история поможет продать чертову тонну этих дивиди. Я вздую продажи до луны.

– Ты продажи грязи можешь вздуть до луны.

– Это профессиональное, – жизнерадостно отозвался он. – Но тут чистое, полноценное золото.

– Ну, может быть. Я подумаю. Досмотрю до конца и подумаю.

И ведь он прав, подумала она. И она знала, что он прав. Просто не хотела сдаваться сразу.

– Если бы ты не смотался домой и не заглянул... вот что меня чертовски злит, – добавила она, – так это что ты те два дня взял.

– У меня была важная встреча, и я тебе еще перед отъездом сказал.

– Бросил меня в Денвере, ага...

Он улыбнулся:

– Это было важное дело.

– Ага.

– Понимаю. И глубокая мрачная тайна.

– Уже нет. – Он выдохнул. – Мы с Маршаллом нашли суррогатную мать.

– Суррогатную мать? – Она со стуком поставила на стол стакан с водой. – Для ребенка?

– Ну да. И сразу скажу: мы договорились никому не говорить до двенадцати недель. Такой решающий срок. Лина, мы хотим, чтобы у нас была семья, и для того нашли суррогатную мать. В понедельник утром мы с ней ездили на двенадцатинедельный осмотр. И слышали, как бьется сердце.

У него в глазах показались слезы.

– Слышали сердце и... – Он взял с пола кейс, открыл и достал картинку с УЗИ. – Вот наш ребенок. Мой и Марша.

Лина наклонилась, всмотрелась, сама сморгнула слезы:

– Ни хрена не вижу.

– И я тоже! – С несколько плачущим смехом он стиснул руку Лины. – Но это мой сын или дочь, где-то тут. И примерно шестнадцатого апреля я стану отцом. Мы с Маршем станем папами.

– Папы из вас будут классные. – Она махнула стюарду: – Шампанского нам, пожалуйста.

– Я объявлю всему миру, но тебе прежде всего. – Он крепко пожал ей руку. – Сделай мне подарок, спродюсируй диск для Эдриен. Не пожалеешь.

– Манипулятор ты – так ловить меня на эмоциях. – Она вздохнула. – Ладно, будь твою.

Но это не значило, что ей нечего будет сказать дочери. Советы и вопросы ожидаются и будут необходимы.

Когда она вошла в квартиру, дала на чай швейцару, который поднес чемоданы, ей ничего так не хотелось, как принять долгий душ и заснуть часов на восемь, что в турне было невозможно.

Но порядок важнее. Она, похоже, никогда не сможет заставить себя нарушить порядок.

Лина распаковала вещи, отделила стирку от химчистки, убрала туфли и небольшой набор украшений, который позволяла себе в дороге.

Развесила шарфы и жакеты, необходимые в городах попрохладнее.

Спустилась вниз, налила себе газированной воды, добавила ломтик лимона. И решила, что очень хорошо распорядилась временем, когда услышала, как открылась дверь.

Она вышла, увидела дочь в школьной форме с легким жакетом, потому что погода была достаточно прохладной, и с рюкзаком на плече. И с серьезным лицом.

– Джордж сказал, что ты вернулась. С возвращением.

– Спасибо.

Они встретились на середине комнаты, расцеловались в щеки.

– Пойдем сядем и поговорим об этом твоём проекте.

– Я говорила с Мэдди, и когда ты утвердишь, она готова представлять меня и моих друзей.

Она сказала, что контракты скоро будут готовы.

– Я в курсе. – Лина села, жестом предложив Эдриен сделать то же самое. – Можешь благодарить Гарри, который все время тебя проталкивал.

– Я благодарю.

– Чего можно было бы и не делать, если бы ты проконсультировалась со мной.

– Если бы я консультировалась с тобой, это была бы совместная работа. А я хотела сделать все сама и сделала. В смысле, с Гектором, Тишей и Лореном.

– Которых я не знаю или о которых знаю очень мало.

– Что ты хочешь знать? Из того, чего еще не нашла в Сети?

– Мы до этого дойдем. Если б я знала, что ты задумала такой проект, я бы тебе могла дать совет, предоставить студию, специалистов.

– Твою студию, твоих специалистов. Я хотела чего-то другого, и я это сделала. И получилось хорошо, я это знаю. Может, не так блестяще и вылизано, как было бы в твоей студии, с твоими специалистами, но все равно хорошо. Ты начинала с нуля, – продолжала Эдриен, не дав Лине ответить. – Я – нет, и я это знаю. Я знаю, что у меня есть преимущества, которых не было у тебя, потому что ты построила серьезное дело. Я знаю, что пойдут разговоры, что мне все досталось легко, что я вломилась, потому что ты открыла мне дверь и дала толчок. Отчасти это правда, но так я буду знать, что могу это сделать. И знаю, что теперь могу построить свое собственное.

– А как? На крыше, с помощью школьных приятелей и прокатной аппаратуры?

– Для начала. Я собираюсь в Колумбийский университет, выберу основным профилем физиологию спорта и дополнительными – экономику бизнеса и нутрициологию. И я уж точно не собираюсь залетать и...

Она осеклась, сама испугавшись. Лина замерла, выпрямилась.

– Прости, прости! Это было хамство, глупость и неуважение. Понимаешь, ты у меня вызываешь чувство, будто я должна оправдываться за все, чего хочу и чего не хочу, что я делаю и чего не делаю. Но я прошу прощения.

Лина поставила стакан на стол, встала, подошла к дверям террасы. Открыла, впус­тив воздух.

– В тебе больше от меня, чем ты сама думаешь, – тут тебе не повезло. Видео у тебя хорошие – у тебя талант, и мы обе это знаем. Концепт и выражение... интересные, скажем так. Гарри устроит хайп до небес, ты получишь всю рекламу и публичность, что он сможет из шляпы вытянуть, а я, естественно, под всем подписываюсь. И посмотрим, что получится.

Она обернулась:

– Сколько времени ты над этим работала?

– Над идеей, программами, таймингом и подходом – примерно полгода.

Лина кивнула, пошла, взяла свой стакан.

– Ладно, посмотрим, что получится. Я хочу в душ, а ужин можем заказать.

– Я собиралась сделать карри из курицы с горошком, которое ты любишь. Думала, тебе надоела доставка в номер и еда в ресторане.

– И не ошиблась. Это будет прекрасно.

Второго января «Новое поколение» в сотрудничестве с «Йога – беби» выпустила программу «Самое время». Эдриен все зимние каникулы занималась рекламой и страшно переживала, что не могла встретить Рождество с бабушкой и дедушкой. Она себе поклялась, что больше так делать не станет.

В первый же месяц продажи показали, что Эдриен выбрала правильный подход, и продолжали расти.

Она начала обдумывать следующий проект.

Первая угроза пришла в феврале.

Лина рассматривала этот листок белой бумаги. Печатные буквы, черные и жирные, складывались в стихотворные строчки:

Пусть провожают горем и печалью
Любимых, уходящих в мир иной,
Не для тебя подобное прощанье:
Ты примешь смерть наедине со мной.

– В этом вот пришло. – Эдриен дрожащей рукой протянула матери конверт. – Лежало в почтовом ящике, который мы завели для писем от фанов по дивиди. Я его забрала после школы. Обратного адреса нет.

– Понятно, что нет.

– Почтовый штемпель Коламбаса, Огайо. Почему это кто-то в Коламбасе в штате Огайо хочет меня убить?

– Убить – нет, просто нагадить. Мне странно, что это первое, что тебе пришло. У Гарри целая папка тех, что мне присылают.

Это поразило почти так же, как стихотворение.

– Угрозы? Полная папка угроз?

Лина потянулась за полотенцем. Она как раз репетировала новую программу, когда в тренажерный зал ворвалась Эдриен.

– Угрозы, столь же мерзкие сексуальные предложения, обыкновенные ругательства. – Она отдала Эдриен письмо. – Положи в конверт. Мы о нем сообщим, так что сними копию. Оригинал возьмет полиция. Но могу тебе сразу сказать: ничего не выйдет. Так что положим его в папку, а ты это отложи и забудь.

– Забыть, что мне кто-то сказал, что я должна умереть? Зачем это вообще кому-то нужно?

– Эдриен! – Лина забросила полотенце на плечо, взяла бутылку с водой. – На этом свете очень много свихнувшегося народу. Завистливые, одержимые, злые, недовольные. Ты – молодая, красивая, успешная. Ты была в телевизоре, ты была на обложках «Севентин» и «Шейп».

– Но... ты мне никогда не говорила, что тебе шлют угрозы.

– Смысла нет. И переживать по этому поводу тоже нет смысла. Отдаем Гарри, и он примет меры.

– То есть ты хочешь сказать, что угрозы убийством входят в пакет?

Лина повесила полотенце, отставила бутылку с сторону.

– Я хочу сказать, что это не последний раз, и ты привыкнешь. Скажи Гарри, он знает, что делать.

Эдриен оглянулась, выходя, и увидела, что мать снова обернулась к зеркальной стене и возобновила серию берпи.

Эдриен подумала, что Гарри она позвонит, но никогда, никогда к этому не привыкнет.

Глава 6

В компенсацию пропущенного Рождества Эдриен провела две летних недели у бабушки с дедушкой. Она возобновила знакомство с Майей, возилась со стареющими Томом и Джерри, работала в саду и в кухне с дедом и бабушкой.

Они радушно приняли на неделю трех ее нью-йоркских друзей, чтобы ребята сняли очередное видео.

Она навсегда запомнит эту картину: дед с бабушкой сидят на большой веранде, глядя, как она выполняет сегмент йоги на открытом воздухе. Как утром, сойдя вниз, увидела, что бабушка и Тиша болтают в кухне за чашкой кофе.

Осень принесла школу и цветные листья. Хотя Гарри хотел заскринить ее почту, Эдриен настояла, что сама ее посмотрит. Было там что-то противное, что-то похабное, но хорошее перевешивало.

Она этого не забыла, но оставила пока.

Фогги Боттом, округ Колумбия

А стихотворец не забыл и не оставил. В этом разозленном и терпеливом мозгу жили мысли о ней, об Эдриен. Но времени у него было много, очень много. И были другие шлюхи, много других шлюх, чей черед настанет раньше...

Эдриен – крещендо, кульминация. А перед крещендо надо еще начать.

Выбрать имя из списка, что будет первым. Эдриен Риццо станет последней, а Маргарет Уэст – первой.

Началось с выслеживания, с охоты, с наблюдения, с записи. Как это захватывает! Кто бы мог подумать, что планирование – такое потрясающее занятие?

Тщательно спланированная акция и простая быстрая ликвидация – что можно придумать лучше? Небрежные прогулки мимо тихого дома, долгие часы за компьютером. Незаметный посетитель в модном ресторане чем-то ужинает и смотрит, как его дичь ест, смеется и пьет.

Наблюдать, как она живет, понятия не имея, что песок вытекает, вытекает из ее часов. Как она берет ложечку десерта и закатывает глаза от удовольствия, смеется с человеком, перед которым скоро будет счастлива расставить ноги.

Разведенная и в поиске, вот она, Мэгги!

А как колотится сердце, разгоняя кровь, когда план проработан до конца, когда все со щелчком встает на свое место! Все время подготовки, все умения, вся тренировка сливаются воедино. Отключить в тихом, заснувшем доме сигнализацию. Вскрыть замок задней двери, безопасно и незаметно в густой темноте.

И – снова захватывает дух! – осторожно идти по этому дому. Разве что не паря над полом, подняться по лестнице. Свернуть к той комнате, где последним погас свет на ночь.

Спальня.

Спит. Как же мирно спит. Трудно, очень трудно устоять перед желанием ее разбудить, показать ей ствол, объяснить, за что.

Две руки ровно держат ствол. Нет в них нервной дрожи, но как же заполняет его восторг!

Первый раз звук выстрела едва прорвался через глушитель. Второй оказался чуть громче, и третий еще громче. И четвертый, просто чистого удовольствия ради.

Как же подпрыгнуло тело.

Как отдались в темной комнате слабые звуки, вылетевшие из жертвы.

Люди скажут потом, как это ужасно – убита в собственной постели! В таком тихом районе! Такая прекрасная женщина!

Но ведь никто не знает, какая это была сука.

Сбить полицию – вот идиоты! – со следа: спереть несколько предметов.

Сувениры.

Мысль сфоткать работу пришла слишком поздно, уже за кварталы от тихого дома.

В следующий раз. Следующий раз будут фотографии, которые потом можно будет пересматривать.

Второе видео Эдриен выпустила в январе. Так как она настояла на том, чтобы научиться водить, на Рождество в Мэриленд она приехала на собственной машине, купленной на заработанные деньги. В доме на холме она хотела провести Рождество.

Она согласилась дать несколько интервью по Сети, по телефону, но Рождество она решила провести в Трэвелерз-Крик.

Лина почти весь месяц, включая праздники, была на съемках в Аруба.

Второе стихотворение пришло, как и первое, в феврале, но на этот раз штамп был мемфисский.

Думаешь, ты спортивная и активная,
А ты самозванка дефективная.
Давай, цепляйся за ложь свою,
Покуда я тебя не убью.

На этот раз она не дала себе труд сообщать Лине – как сказала сама Лина, в чем смысл? Сняла копию для себя и оригинал отдала Гарри.

Она сосредоточилась на учебе, на концепции для следующего своего видео.

И старалась не заикливаться на приеме в Колумбийский уже после того, как Тиша получила свое письмо, Лорен был принят в Гарвард, а Гектор – в Калифорнийский университет.

Конечно, у нее были и резервные колледжи, она не дура. Но хотела она в Колумбийский. И чтобы жить там вместе с Тишей.

Хотела.

И когда вскрыла пришедший из Колумбийского пакет документов о приеме, то протанцевала по всем трем этажам триплекса.

Она позвонила бабушке с дедом, написала друзьям, написала Гарри. Поскольку мать была занята мероприятием в Лас-Вегасе, Эдриен скопировала извещение о приеме и положила матери на стол.

Со школой она распрощалась без сожалений и начала то, что задумала на этот следующий этап жизненного пути.

К учебе в колледже она приступила стратегически обдуманно, выбирая те факультативные курсы, которые считала целесообразными, вложила свою энергию в занятия и получение хороших оценок, заложив закладку на каждое лето – снимать видео и долго гостить в Мэриленде.

У нее были планы, много планов, и к выпуску из университета очень многие уже были аккуратно выполнены. У них с Тишей была общая квартира в пешей доступности от кампуса, а снимали ее на деньги, получаемые с ежегодных дивидендов Эдриен.

Она стала работать с другой студенткой, специализирующейся по дизайну одежды, для разработки собственной линии одежды для спорта и фитнеса.

У Тиши то и дело случалась любовь – или, по крайней мере, связь, – и это было легко и беспечно, но у Эдриен личная жизнь была где-то на задворках графика. На любовь у нее не было времени. Все ее связи были куда проще и не занимали много места в ее сердце, а удовле-

творение и разрядка, которую они приносили, служили укреплению здоровья – при разумных предосторожностях и без лишних запросов.

Деловые отношения с матерью, хотя и были сложны, шли на пользу обоим брендам. Личные отношения оставались такими, какими, как чувствовала Эдриен, они были всегда: отдаленными, но дружелюбными.

Пока одна другой дорогу не перейдет.

В снежный ветреный февральский вечер Эдриен шла в ресторан, стараясь выбросить из головы тревогу по поводу своей ежегодной мерзкой валентинки. Эта, со штампом Боулдера, была шестая. Тот факт, что не было продолжений, эскалации, ее не утешал. Эта последовательность выдавала человека очень сосредоточенного и ненатурально одержимого.

Она едва не отменила встречу за ужином со своим агентом и с Гарри, но заставила себя войти в дверь, чувствуя в сумочке свинцовый вес этого стишка.

Поскольку она, как всегда, пришла раньше, то подумала, что стаканчик чего-нибудь у стойки успокоит нервы, и это лучше, чем сидеть в зале одной за столиком.

Гул голосов и энергия их тоже были на пользу. Эдриен назвала хостесу свою фамилию, потом вошла в бар с темным деревом, со старым голым кирпичом. Хотела сесть на табуретку и вдруг увидела знакомое лицо у высокого столика.

Она пару раз видела Райлана с тех пор, как он уехал из дома учиться в колледж в Саванне, а Майя ей сообщала новости, что он заслужил вождеденную стажировку в «Марвел комикс», которая может оказаться ступенькой к должности художника в главной конторе этой фирмы.

Эдриен подумала, что мальчишка, все стены своей спальни украсивший рисунками, получил работу своей мечты.

А роскошная блондинка с ним рядом, наверное, художница, с которой они полюбили друг друга в колледже и сейчас строят долговременные отношения, пока она, как и Эдриен, учится последний год.

Она заколебалась: эти двое были так поглощены друг другом, будто сидят одни на пустынном пляже под луной. Но вряд ли можно притвориться, что она не увидела брата своей самой давней подруги.

Они похожи на художников, подумала она, направляясь к их столу. Райлан со своими волосами цвета жженого меда, рассыпанными по вороту рубашки, и женщина – Эдриен никак не могла вспомнить имени – с солнечного цвета косой до середины спины.

Райлан глянул, как она подходит, цепкий взгляд зеленых глаз скользнул по ее лицу. Сперва он был озадачен, потом мелькнуло узнавание.

Ей стало как-то слегка обидно. Впрочем, Райлан всегда так смотрел.

– А, Эдриен! Привет.

– И тебе привет, Райлан. Слышала, что ты в Нью-Йорке работаешь.

– Ага. Лорили Уинтром, это Эдриен Риццо, хорошая подруга Майи. Эдриен, это Лорили, моя...

– Невеста. Вот только что!

Даже при душевном подъеме голос Лорили звучал так, что вызывал на ум образы магнолий, испанского мха и холодного сладкого чая на верандах. Она протянула руку с чудесным бриллиантом на третьем пальце.

– Боже мой! – Эдриен инстинктивно взяла протянутую руку, ощутила теплоту, радость. – Это чудесно. Поздравляю, Райлан, поздравляю! Вас обоих. Не могу поверить, что Майя мне не написала.

– Мы еще никому не говорили.

– А я болтунья, я бы сразу разболтала всем.

– Сделай мне одолжение, не говори Майе, что мы тебе сказали первой. Сама понимаешь, – добавил Райлан. – Изобрази удивление, когда она тебе сообщит.

– Это я могу. Считаю это подарком к твоей помолвке.

– Присядешь? – пригласила Лорили. – Майя мне много про тебя рассказывала, и я твоих бабушку с дедушкой знаю. Они же чудесные, правда? И дивиди твои люблю. И не могу перестать говорить. Райлан, милый, принеси стул для Эдриен.

– Нет-нет, спасибо. У меня тут встреча, я просто чуть раньше пришла.

– В Нью-Йорке живешь? Не могу поверить, что будущей весной тоже туда перееду.

Райлан смотрел на свою невесту так, будто она единственная женщина в этом мире или в любом другом. Эдриен почувствовала что-то вроде начала вдоха, какой-то ком под ложечкой.

– На случай, если ты не поняла: Лорили – южанка.

– Правда? Никогда бы не подумала. И тоже художница, мне говорили.

– Пытаюсь. Что я действительно хочу – это преподавать художественную культуру. Люблю детей. Райлан, милый, мы их должны будем дюжину завести.

Он улыбнулся ей. Эдриен готова была поклясться, что может сосчитать звезды в глубоком зеленом море его глаз.

– Может, полдюжины?

– Похоже на деловые переговоры, – засмеялась Эдриен и попыталась представить себе этого знакомого мальчишку с дюжиной детей.

Как ни странно, получилось.

– Райлан, твоя мама и Майя с ума сойдут от счастья. Они тебя обожают, – сказала она, обращаясь к Лорили.

– Как приятно это слышать!

– Я говорю правду. Майя мне много о тебе рассказывала, и в частности, что для Райлана ты слишком хороша.

– Более чем правда, – подтвердил Райлан. – И если она в это не поверит через год после официальной свадьбы в июне, то я – чистое золото.

– Глупый ты.

Лорили наклонилась через стол его поцеловать.

– А вот и мои друзья, с которыми я ужинаю. Я так рада, что мы встретились. И что бы там Майя ни думала, я скажу, что вы вместе смотрите идеально. Еще раз поздравляю.

– Приятно было тебя встретить.

– И тебя тоже.

Эдриен отошла, обменялась быстрым объятием с агентом, с Гарри. Но прежде чем сесть за свой стол, она заказала бутылку шампанского на стол Райлана.

Идеально смотрятся, подумала она снова, и это счастье ей показалось таким заразительным, что она сама не заметила, как забыла про стишок в сумочке.

Через три дня она получила благодарственную записку от Лорили, с нарисованными от руки тюльпанами на лицевой стороне.

Дорогая Эдриен!

Большое тебе спасибо за шампанское. Это было невероятно уместно и совершенно неожиданно. Мы хотели поблагодарить тебя лично, но не стали прерывать ваше совещание.

Я так рада, что мы познакомились и что это случилось в самый счастливый день моей жизни. Джен и Майя так тебя любят, а я люблю их. Так что по непрерывности и тебя тоже люблю. Надеюсь, ты не против.

Я буду и дальше делать твои упражнения, они мне помогут потрясающе выглядеть в день свадьбы.

Спасибо еще раз,

Лорили (будущая миссис Уэллс!)

Эдриен не считала себя сентиментальной, но открытка показалась ей такой очаровательной, что она ее сохранила.

Получив весной диплом, она сразу нырнула в новый видеопроjekt. Хотя на предыдущие съемки она нанимала танцоров и тренеров, на этот раз она подписала на это Тишу и Лорена.

– Я буду выглядеть как идиот!

Лорен, в тренировочных штанах и футболке с эмблемой «Нового поколения», был сейчас шести футов ростом. Он подтянулся, отрастил свои огненно-рыжие волосы до той длины, что Тиша называла «так носят адвокаты».

– Не будешь, – заверила его Эдриен. – Ты отлично работал на репетициях. Сейчас просто следуй моим указаниям.

– Никакими указаниями ты у меня чувство ритма не разработаешь. Я этот кардиотанец испорчу. Зачем тебе латинский стиль, Эдс? Все эти верчения бедрами.

– Потому что так веселее. – Она ткнула его в живот. – А выглядишь классно. Сколько сбросил?

Он закатил глаза, вспоминая.

– Двадцать пять после того, как набрал на первом курсе положенные плюс десять и ты стала меня доставать удаленно.

– А у меня и шансов не было их набрать. Удаленно? – Тиша закатила глаза к небу. – Это цветочки, ты с ней рядом поживи.

– И ты хорошо выглядишь.

Тиша вильнула бедрами, рассыпав эбеновое гало, которое у нее образовалось после отрезания кос.

– Что да, то да. И это не предел.

– Но уже почти идеал, – сказал Гектор, снова входя на площадку.

Тиша была одета в облегающие черные шорты, черный спортивный лифчик с леденцово-розовой оторочкой, а вокруг пояса у нее была завязана розовая худи с эмблемой «Нового поколения».

– Обрела и хвастаюсь.

– Угу. – Гектор, щеголяющий эспаньолкой и собранными в хвост короткими волосами, подвинул вверх очки в металлической оправе.

– А знаете, что тут голуби есть?

– Значит, обстановка будет выглядеть более естественно.

Эдриен выбрала этот старый и с проваленной кое-где крышей дом именно ради такого. Ей иногда приходилось использовать настоящую студию или вылизанный тренажерный зал, но по реакции зрителей стало ясно, что ее публике больше нравятся вот такие заброшки.

Она лишь усмехнулась, когда раздался усиленный эхом вой сирены.

– Аутентичная среда. И вместо профессионалов – два обычных человека.

Кроме команды осветителей и звуковиков, ассистентов Гектора.

И все же, если говорить по правде, не так далеко от того уик-энда на крыше, что положил начало этой дружбе и дал старт мечте Эдриен.

– Окей, прежде всего – тридцатичетырехминутный кардиотанец.

Она была одета в конфетно-розовые шорты с фальшивым черным поясом, розовый спортивный лифчик-халтер с черной оторочкой. А волосам длиной до плеч она предоставила вытворять, что они захотят.

Она заняла место, подождала сигнала от Гектора, который заодно еще взял на себя роль режиссера. И улыбнулась ему в камеру.

– Привет! Я – Эдриен Риццо. Вас приветствует программа «Для вашего дела». Этот комплект двух дисков вас проведет курсом кардиотанца, веселого и увлекательного, в латинском стиле. Тридцатиминутная программа предназначена для основных мышц, тридцать минут силовой тренировки с легкими и средними весами, бонусный раунд на тридцать пять минут для тренировки всего тела, затрагивающей каждый мускул. И наконец – тридцать пять минут йоги.

– Сегодня мы нашли в Нью-Йорке кусочек дикой природы. – Она глянула на пролетевшего сверху голубя. – Со мной мои друзья:

– Тиша...

Тиша вскинула руку в приветствии.

– ...и Лорен.

Эдриен засмеялась, когда Лорен сделал вулканский салют¹.

– Помните: это видео можно включать по частям, переключать, комбинировать. Делайте то, что годится для вас, но хоть что-то делайте – это же для вашего организма.

Получалось – она это чувствовала. Она знала это, слыша смех Тиши, слыша, как себе под нос считает Лорен.

Получалось, когда Лорен в середине сеанса свалился на мат и позвал мамочку.

Получалось три долгих насыщенных дня и кончилось пиццей и вином на полу квартиры, которую снимали Эдриен и Тиша.

– У меня брюшные мышцы даже не ноют, а орут, – пожаловался Лорен.

– Это мы их разбудили.

Лорен откусил кусок пиццы.

– Они хотят опять заснуть. Быть может, навсегда. В следующий раз я буду стоять с камерой, а Гектор пусть тонет в собственном поту.

– Не, я за сценой. – Гектор глотнул вина, к которому надеялся развить у себя вкус. – И я собираюсь остаться за сценой в Северной Ирландии ближайшие два месяца.

Тиша выпрямилась:

– А что там за сцены?

– Сериал Эйч-Би-Оу. Я там ассистент в команде «Б», но участвую. – Он улыбнулся во всю морду. – Это Голливуд, детка. Ну, в североирландском варианте.

– Это достижение, чувак. – Лорен показал большой палец. – Достижение.

– Это некоторый шаг среднего размера, который может повести к большим. Так что тебе не стоит меня списывать как видеографа.

Гектор сам показал Эдриен большой палец.

– Да ни за что. Господи, Гектор Санг, это же классно! Когда уезжаешь?

– Начинаем на следующей неделе, но я лечу послезавтра, чтобы немножко погулять туристом. А вы бы приехали просто так этим летом.

– Ага, это как в Квинс на подземке смотаться. – Тиша покачала головой. – Гек, у меня же летние классы. Я бакалавра хочу получить как можно скорее.

– И тут же станет у меня бизнес-менеджером. А Лорен, когда закончит школу права и сдаст экзамен, будет у меня юристом. Так что, – Эдриен подняла стакан в тосте, – наш оркестр сохраняется.

В последующие месяцы Эдриен металась между выступлениями, поездками в Мэриленд, рекламой своей новой линии спортивной одежды и новым проектом.

Еженедельный фитнес-блог плюс короткая «еженедельная-пятиминутная-тренировка», как Эдриен это назвала.

¹ Жест из известного телесериала «Звездный путь».

Стрим она могла организовать почти откуда угодно – с тех пор, как Гектор ее научил это делать, – и часто включала в показ еще кого-нибудь. Владелец местного продуктового магазина, случайный прохожий с собакой, коп на дежурстве (с которым она потом несколько месяцев встречалась, к взаимному удовольствию).

Одним из любимых и бесконечно пересматриваемым на многие годы стал тот стрим, где звездой была ее бабушка.

Снаружи лежал футовый слой снега, пламя потрескивало в очаге, и в сверкающем по случаю Рождества большом доме Эдриен устроила съемки на кухне.

– Просто для прикола, – сказала она Софии.

– Кухня – она чтобы готовить, чтобы собираться за столом, чтобы есть.

Эдриен подкрутила камеру.

– Ну вот готовь, собирайся, ешь. – Довольная Эдриен улыбнулась бабушке. – Ну и вид у тебя... Нет, я этого не говорила! Классный вид.

София отмахнулась, потом засмеялась, встряхнула головой, отбрасывая волосы назад.

– Это же одежда. Твой дизайн.

– Ага, бренд мой. Но важно, кто в ней.

Очень идет, подумала Эдриен – этот цвета лесной листвы утягивающий топ, короткие зелено-сине-розовые легинсы и розовые спортивные туфли.

– Ты этого достаточно видела, чтобы знать, как это работает. Просто делай, как я. Хочешь что-нибудь говорить – говори. Это просто, весело и быстро.

– Мне уже себя жалко.

Эдриен со смехом сунула руку в карман и щелкнула пультом.

– Пятиминутку этой недели я снимаю с потрясающей Софией Риццо – мне она известна как Нонна. Мы у нее на кухне, где она – и мой дедушка, кстати, – готовит как кулинарные боги. Он сейчас месит тесто для пиццы у себя в ресторане неподалеку, в горах Мэриленда. Так что мы с Нонной выкроили пять минут от праздничной выпечки, чтобы расшевелить мышцы и улучшить сердечную деятельность. Нонна, готова?

София посмотрела прямо в камеру:

– Это не я придумала, но она – моя единственная внучка, так что...

– Шаг на месте. Поднимаем колени повыше, чтобы брюшные мышцы работали. Вот так, Нонна! Никто не станет отказывать себе в праздничных угощениях. И я не буду – тем более таких, которые сделаны Дуомом и Софией Риццо, так что, когда вы их себе позволяете – умеренно, конечно, – не забывайте двигаться.

– Только ради тебя я согласилась показывать людям эту бедную измученную старуху.

– Ха! Такая старуха – хоть садись да поезжай. Кстати, насчет садись – приседания! Нонна, ты же умеешь приседать. Зад подбери, сожми глютеусы!

Она перешла к выпадам, отлично понимая, что София сопровождает ее насмешливыми неодобрительными взглядами, потом соединила движения, считая вслух, и закончила вращением бедер и растяжками.

– Ну, вы поняли. Выполняйте это в любой момент, пока бегаете по магазинам, печете пироги, заворачиваете подарки, просто ничего не делаете, и если повезет – будете такие же подтянутые, как моя невероятная Нонна.

Эдриен обняла Софию за талию:

– Как смотрится? И как мне повезло, что у меня та же ДНК?

– Она мне льстит, потому что все это правда. – София со смехом обняла Эдриен и поцеловала в щеку. – Давайте печенек поедим.

– Давайте.

Эдриен повернула голову, прижалась щекой к щеке Софии и улыбнулась в камеру. – Веселого Рождества и хороших каникул от нас – вам. Не забываете, будьте подтянуты, сильны и прекрасны. До следующего года!

Эдриен шелкнула пультом.

– Ты работала идеально!

– Хочу видеть. Прокрути мне.

– Обязательно. Но под печеньки.

– И под вино.

– И под вино. Жуть до чего люблю тебя, Нонна.

Эри, Пенсильвания

В холодную пасмурную ночь конца декабря, когда кружились в воздухе легчайшие снежинки обрывками кружев, поэт сидел, скорчившись, на заднем сиденье блестящего синего седана.

Сигнализация? Замки? Проще простого, если подготовиться.

Слишком много времени прошло между двумя волнующими моментами, но выбирать надо тщательно. И снова пистолет, хотя другие чувствовали и клинок, и биты. Но – пистолет, оживающий в руке, когда делает свою работу.

Излюбленное оружие.

Излюбленная дичь.

Разве не показала она себя шлюхой? Разве сейчас не валяется она в номере дешевого мотеля, позволяя пролезть в себя чужому мужчине, а не мужу? Ей бы хорошо кайф поймать, потому что это – последнее, что она почувствует.

Не будет тебе «счастливого нового года», сука.

Весь в черном, тень, невидимый. Шлюха наконец открыла дверь. Ее облило светом из комнаты. Она послала воздушный поцелуй такому же обманщику внутри и улыбалась всю дорогу до своей машины.

Нажала кнопку открытия – снова закрытой машины, села за руль.

Глаза ее в зеркале заднего вида вдруг стали огромными на миг, на этот последний миг, когда пуля входила ей в мозг.

И вторая для надежности. А теперь – традиционный снимок.

Всего через секунду – небрежной походкой сквозь легкий хоровод снежинок к машине, оставленной за три квартала.

И звенящая ясная светлая мысль.

Всем счастливого Рождества, всем спокойной ночи.

В феврале Эдриен опять открыла стихотворение. Оно ее всегда расстраивало, но от этого перехватило дыхание, и она потрясенно опустила в кресло.

Старуху рыжую бесстыдно
Снимаешь, заработать чтоб.
Смотри, не то, как будет видно,
Ее с собой утащишь в гроб.

Как всегда, она об этом сообщила, как всегда, сняла копию. Но на этот раз обратилась к полиции в Трэвеллерз-Крик.

Потом написала бабушке с дедушкой. Хотя это потребовало большой работы, она их убедила наконец поставить систему охраны.

Семь лет уже, подумала она, расхаживая по квартире и желая, чтобы вернулась наконец Тиша. Что ж за человек это пишет такие мерзкие стихи ежегодно семь лет подряд?

Такой же мерзкий, как эти стишки, подумала она. Кто-то, кто следит за ее блогом, за ее социальной жизнью.

– И трусливый, – буркнула она себе под нос.

Надо будет это запомнить. Какой-то трус, который хочет, чтобы она ходила расстроенная и озабоченная. И хотя она понимала, что не должна доставлять этому типу (кто бы он ни был) такого удовольствия, избавиться от тревоги она не могла.

Подойдя к окну, она выглянула, стала смотреть на проезжающие машины, на спешащих по тротуарам людей.

– А ну выходи, – сказала она вполголоса. – Вылезай, покажись, разберемся лицом к лицу.

На улице стала падать снежная крупа, начало темнеть.

И Эдриен знала, что ничего не может сделать, – только ждать.

Глава 7

Эдриен не ждала приглашения на свадьбу Райлана и искренне пожалела, что в этот момент не могла поехать из-за работы.

Ей вспомнился тот ветреный вечер больше года назад, когда она столкнулась с Райланом и Лорили, празднующими свою помолвку. Вспомнилась та милая записка, что ей прислала Лорили, и нарисованные от руки тюльпаны.

Вместо того, чтобы просто подписать открытку с сожалением, она села и, как требовала бабушкина традиция, написала письмо:

Дорогая Лорили!

Понимаю, что вы заняты подготовкой к свадьбе, но я хотела тебе написать, чтобы ты знала, как мне хотелось бы приехать на такой важный для тебя и Райлана день. Однако в этот уик-энд я должна быть в Чикаго и страшно жалею, что не смогу приехать и пожелать вам обоим всего самого-самого.

Встретив вас в прошлом году, я поразилась, как вы правильно смотрите вместе. Конечно, Майя потом расскажет мне во всех подробностях, как прошло это волшебное мероприятие, и ты наверняка знаешь, как она рада быть твоей свидетельницей на свадьбе.

Тыходишь в чудеснейшую семью.

Пожалуйста, поздравь от меня Райлана и сама прими от меня наилучшие пожелания – пусть хоть так, раз у меня по-другому не получается. Как бы там ни было, вы будете невероятно счастливы вместе.

И пусть вас радует каждая секунда этой счастливой жизни.

Всего вам самого лучшего,

Эдриен.

Отправляя письмо, она понятия не имела, что начинает дружескую переписку, которая продлится годы.

Бруклин, Нью-Йорк

Райлан любил свою жизнь, даже когда она обращалась в хаос.

Если делать все как следует, то купленный в Бруклине под ремонт дом не был бы готов и тогда, когда дети Райлана и Лорили уже закончили бы колледж. И все же вопреки многим недостаткам этот двухэтажный старый кирпичный дом с просторным чердаком и сырым подвалом, со скрипучими лестницами вполне им подходил.

Может, им не терпелось его купить до того, как появится на свет их первый ребенок, потому что этого ребенка им хотелось принести в дом. В свой дом.

А может быть, Райлану предстояло провести слишком много так называемого свободного времени в ближайшие пять лет, проверяя свои плотницкие умения, совершенствуя навыки маляра или вместе с Лорили изучая технику укладки плитки, но их обоим это устраивало.

Они хотели семейной жизни в доме с двором, в округе, имеющей свое лицо. А так как Брэдли у них появился всего через тринадцать месяцев после стиральной машины, они, преисполняясь оптимизма, этот дом купили.

Через два года родилась Мария.

Они договорились сделать короткий перерыв в рождении детей до тех пор, пока ремонт дома не продвинется более существенно и не удастся отложить хоть сколько-нибудь денег. И пока издательская компания графических романов, которую основал Райлан с двумя приятелями, не выйдет хоть немного из красной зоны.

Когда Брэдли пошел в подготовительный класс, Мария в детский сад, Лорили стала преподавать в старших классах рисование, а «Трикветра комикс» наконец-то стала набирать обороты, Райлан и Лорили решили запустить на орбиту третьего ребенка.

Райлан вернулся домой после целого дня деловых встреч, совещаний по стратегии, заседаний по планированию, от удовольствия работы над следующим графическим романом – в привычный хаос.

Пес – а пес был полностью на попечении Райлана, поскольку это он притащил домой щенка прошлым летом, – вылетел, спеша и гавкая, оббежал гостиную, выскочил в столовую – сбив по дороге попавшийся стул, молнией влетел в кухню, где Лорили что-то помешивала на плите, – и понесся обратным маршрутом.

Мария в одном из своих многочисленных нарядов принцессы, с волшебной палочкой (звезда на конце), пустилась за ним вдогонку. Тем временем Брэдли с шариковым автоматом палил по обоим бегунам без разбора.

– Жалеть будешь, когда Джаспер их сжует, – предупредил Райлан.

– Так весело же! – Брэдли, белобрысый и синеглазый, с непобедимой улыбкой, способной растопить лед, подбежал и обхватил отцовские ноги. – А давай сегодня в «Карниз» после ужина за мороженым? Ну, пожалуйста!

– Может быть. Только шарики свои собери, малыш. Поверь мне, когда-нибудь ты этот совет оценишь.

С прицепившимся к ногам Брэдли и прыгающим теперь в приветствии Джаспером Райлан вошел в дверь и подхватил на руки принцессу-фею.

– Я сейчас превращу Джаспера в кролика.

У нее все еще вместо «р» получалось «в», и от этого тоже сердце таяло. Райлан поцеловал ее в нос:

– Тогда он морковки захочет.

Райлан вошел в кухню, обнимая дочь и таща за собой сына. Сумка на ремне хлопала по бедру.

Тощий и длинный – еще в школе он перемахнул за шесть футов два дюйма и дюйм добавил в колледже, – он наклонился ткнуться носом в щеку Лорили. Понюхал воздух:

– Ух ты, спагетти!

– И отличный салат для аппетита.

– Бу! – крикнул Брэдли у ног Райлана. Лорили бросила на него беглый взгляд:

– Если некоторые тут съедят положенный салат без нытья, то после спагетти можно будет с удовольствием прогуляться в «Карниз» за мороженым.

– Правда? – Брэдли отпустил ноги Райлана и обнял ноги Лорили. – Правда, мам?

– Сперва салат и спагетти.

Лорили, покачивая головой, смотрела, как Брэдли поскакал в радостном танце, а Мария, извернувшись на руках у отца, спрыгнула и понеслась за ним.

– У тебя как день прошел?

– Отлично, грех жаловаться. У тебя?

– Лучше не бывает. А по моему календарю... – Она придвинулась ближе и шепнула на ухо: – Сегодня подходящий день сотворить еще одного такого маньяка.

– Так это еще лучше, чем «лучше не бывает». – Он провел рукой по светлым волосам, которые она коротко обрезала, чтобы было меньше мороки. Ему нравилось, как они обрамляют ее лицо. – Встречаемся в спальне сразу после вечерней сказки.

– Я там буду. – Она прижалась к нему, глядя, как танцуют их дети. – А ведь хорошо у нас получается, Райлан.

Он провел рукой по ее спине, по ягодицам и снова по спине.

– Вот мне и не терпится продолжить.

После ужина с беспорядком и шумом, после прогулки за мороженым, после ритуала укладывания и вечерней сказки детей растолкали по кроваткам. У них всегда бывали вопросы, которые они оставляли на время укладывания спать.

Почему никогда звезды не видны днем, а луна иногда бывает? Почему у тебя есть борода, а у мамы нет? Почему собаки не умеют говорить?

На это ушло довольно времени, как Райлан и знал заранее, и потом требовалось подождать еще некоторое время, чтобы убедиться, что детки заснули и любовь с их мамой пройдет незамеченной и без помех.

– Вина не хочешь? Если получится, тебе придется снова с ним завязать. Можно бы выпить напоследок.

– Я не против.

Он пошел доставать вино. Стены коридора на втором этаже еще ждали, пока с них снимут обои. Райлан и Лорили первым делом занялись комнатами детей, кухней и двумя из трех с половиной ванных.

Он понимал, что очередной младенец – если им повезет – означает превращение одной из четырех спален в детскую, и собственной спальней заняться будет некогда. Значит, переезд в кабинет на чердаке.

Лорили уже покрасила там стены, но часть этой площади можно было отделить перегородкой для работы Райлана. Как-нибудь устроятся.

Он достал бутылку, открыл ее, стал доставать стаканы, и тут зазвонил телефон на столе. Высветился номер матери.

– Мам, привет!

Услышав ее голос, он радостно улыбнулся, но тут же на лице его отразилось потрясение:

– Что? Не может быть! Как? Когда? Но ведь...

Устав его ждать, Лорили вышла и обнаружила, что Райлан сидит за кухонным столом, уронив голову на руки.

– Что такое? Райлан, что случилось?

Он поднял взгляд ей навстречу.

– София Риццо. Авария. Она... она ехала с подругой, домой из книжного клуба. Была буря, дорога скользкая, чью-то машину занесло, и они столкнулись. Подруга в больнице, а София... она мертва, Лорили. Ее больше нет.

– Боже мой, не может быть! – Лорили прижала к себе Райлана, по лицу ее текли слезы. – Как же так, София! Ох, Райлан!

– Не знаю, что делать. Мысли мешаются. Она мне была почти как бабушка.

– Ну, успокойся, успокойся. – Лорили целовала его щеки. Потом достала бокалы, налила вина. – Выпей вот этого. Твоя мама...

– Это она звонила.

– Она будет горевать, и Дуом. И Эдриен, и ее мать, и боже мой, милый мой, весь город будет в трауре. Будут похороны, отпевание. Мы должны поехать. И остаться на несколько дней, если сможем помочь.

– Мама сказала, что ничего про похороны или отпевание не знает, но завтра позвонит, когда будет знать. Сказала, что Майя и Джо приезжают. Им только нужно найти, кто побудет с Коллином и подменит на работе и...

– Ну, да, ресторан. Конечно же. Послушай, ты можешь там остаться на неделю-другую, если сможешь помочь. Я детей отвезу обратно.

– Я пока не знаю, что делать. Мне нужно подумать. Сообразим. В голове не вмещается, Лорили. Она была всегда, я не помню жизни без нее.

– Знаю, милый. – Она прижала его к себе теснее, погладила по спине. – Мы посмотрим, чем сможем помочь. – Она подняла его лицо, поцеловала. Потом села рядом, держа за руку. –

Я могу взять на работе отпуск по семейным обстоятельствам. Только заехать завтра и сказать. Если, конечно, ты не планируешь ехать уже завтра.

– Я... – Он попытался собраться с мыслями, но все еще слышал слезы в голосе матери. – Нет. Я думаю, мы должны тут все организовать, чтобы дети дальше в школу ходили, дожждаться, пока мама перезвонит. Можем устроить все на работе и пуститься в путь послезавтра.

– Мне тоже так кажется. Завтра, когда я вернусь, начну собираться.

Ну, вот и план, подумал он. Ему всегда легче было действовать по плану, по графику. Когда все хоть сколько-то упорядочено.

– Я могу выехать рано, только вот устроить все где-то после полудня.

– Тебе нужно запланировать, что ты там как минимум на неделю останешься. Про меня и детей не волнуйся, – добавила она, пока он еще не успел возразить. – Мы поедем домой на поезде, это для них будет приключение. Ты будешь нужен твоей маме, они с Софией были очень близки.

– А как сказать детям? – Он потянулся за бокалом, но остановился, продолжая на него смотреть. – Они еще очень маленькие, Лорили, и еще никогда им не приходилось терять близкого человека.

– Наверное, им надо сказать, что Нонна ушла на небо и стала ангелом, а когда они спросят, почему – ответим им, что не знаем и что грустим, потому что ее уже нет с нами. – Она взяла бокал Райлана, отпила. – Но она навеки останется в наших сердцах. Просто надо сказать это с любовью к ним, как мы всегда делаем.

Они договорились не сообщать детям утром, но забрать их из школы как всегда, чтобы они не мучились весь день печалью и вопросами.

Может быть, он их обнял чуть крепче и дольше, чем обычно, помогая Лорили пристегивать их к сиденьям машины.

– Узнай сегодня что-нибудь новое, – велел он Брэдли.

– Если я все время буду что-то узнавать, то буду знать все и в школу мне будет не надо ходить. Тогда я пойду работать с тобой и делать комиксы.

– Чему равен корень квадратный из девятисот сорока шести?

Брайан пискнул, смеясь:

– Не знаю!

– Видишь? Ты еще не все знаешь. Узнай еще что-нибудь. И ты тоже, принцесса Мо.

Обернувшись, он привлек жену в объятия:

– Спасибо!

– За что?

– За то, что ты – это ты. За то, что ты со мной. За то, что ты есть на свете.

– Ох, милый мой муж. Увидимся скоро. – Она его стала целовать, пока Брэдли не стал издавать звуки, будто задыхается. Тогда она засмеялась. – Я тебя люблю.

– И я тебя люблю.

Она села за руль, пристегнулась, улыбнулась Райлану.

– Буду дома в четыре. Раньше, чем тебе понадобится.

– Я на связи.

Он отступил от машины, все замахали руками. Райлан вернулся в тихий дом, где Джаспер уже забылся в первом утреннем сне.

– Сегодня ты рано начал, приятель, а сейчас поедешь со мной. Коротенькие каникулы, поживешь у Бик.

Бик, друг и партнер Райлана, уже согласилась взять пса, на сколько будет нужно. Райлану осталось только загрузить его корм, подстилку, лакомства и игрушки.

Забавно, подумал Райлан, сколько барахла может накопить щенок-подросток лабрадора.

Он накинул свитер поверх футболки Человека-Никто – персонажа, который помог ему раскрутить «Трикветру».

Взял сумку курьера, которую использовал как портфель, прицепил на поводок оживившегося пса. Обычно, особенно в весенний солнечный день, он шел с собакой пешком или ехал на велосипеде десять кварталов к старому складу, где расположились офисы «Трикветры», но сейчас хотел набрать побольше работы – на случай, если придется задержаться в Трэвелерз-Крик.

Так что он открыл для Джаспера заднюю дверь своего почтенного «Приуса».

Сев за руль, он открыл окна, чтобы был ветерок, а пес мог высунуть голову в окно.

По дороге он обдумывал, что нужно сделать на случай, если придется работать удаленно недельку-другую.

Совещания и заседания можно сделать телеконференцией. Все, что надо смотреть и утверждать, пусть ему посылают на электронную почту. Временное рабочее место можно организовать в его старой спальне, и выдержать собственный срок – десять дней, – чтобы закончить раскраску последнего графического романа с Человеком Никто.

Так как он сейчас опережает график, напомнил себе Райлан, то все в порядке. Обычно он все чертил от руки, но так как никто из его партнеров не рисовал, они взяли в штат художников. Если надо будет, он раз в жизни сможет тоже дать им работу. Посмотрим, когда до этого дойдет.

Он заехал на боковую парковку на площади у пятиэтажного кирпичного здания с длинными высокими окнами, старинным разгрузочным портом, широкими стальными дверями и крышей, где летом устраивались вечеринки после работы, иногда скандалы с криком, а то и перекуры.

Перед тем как войти, Райлан выгулял пса возле колючих кустов и травы в конце парковки. Дал ему все обнюхать, сделать, что полагается собаке делать на улице, чтобы он не опозорился и не сделал того, чего собаки не должны делать в помещениях.

Достал ключи, отпер тяжелую стальную дверь, отключил сигнализацию.

Зажег свет.

Все пять этажей соединяли открытые стальные лестницы и пара грузовых лифтов.

Главный уровень оборудовали как массивный игровой зал/зону закусок/комнату отдыха/.

В конце концов, двое из трех партнеров – мужики. А Бик хоть и женщина, но свой парень.

Мебель на выброс – продавленные диваны, потертые клетчатые кресла с регулируемой спинкой, столы из молочных поддонов – такая была мебель в зоне отдыха. Время от времени кто-нибудь говорил, что сейчас, когда можно себе позволить, стоит сменить обстановку. Но каждый раз побеждала сентиментальность.

Тут поставили два самых больших плоских телеэкрана, какие только можно купить за деньги, несколько игровых систем, несколько классических пинболов (которые все время приходилось ремонтировать) и несколько старых аркадных видеоигр.

Все были согласны, что уму и телу нужна игра, чтобы дать идеям выкипеть. И что когда-нибудь какие-то игры будут сделаны ими самими.

Они увидят, как осуществится эта мечта с участием Человека Никто, Королевы Фиалок и Снежного Ворона.

Будут и другие. Райлан верил в это потому, что они делали то, что любят, а что они любят, то делают хорошо. И каждый новый работник должен был подходить под эти два условия.

С собакой Райлан предпочел лестнице грузовой лифт. Джаспер крепко прижался к ноге и дрожал, пока кабина стонала и скрипела, поднимаясь к пятому этажу.

Верхний этаж Райлан выбрал себе под кабинет и рабочее пространство – больше никто не хотел каждый рабочий день сюда взгромождаться.

Львиная доля всей работы, действий, шума распределялась внизу. Райлану не мешали эти отзвуки – они ему даже нравились. Но он любил некоторое уединение и вид из больших окон.

Отсюда можно было смотреть на реку, на южный горизонт Манхэттена.

Поскольку Человек Никто воевал с преступным миром города, а его альтер эго Кэмерон Квинси работал здесь компьютерным техником, Райлан часто рисовал этот горизонт в разную погоду – для вдохновения.

Но сейчас он мог думать лишь о том, что человека, которого он любил, больше в этом мире нет. Мучило сознание, что он неделями не бывал в родном городе, не говорил с Софией, не видел ее.

А теперь уже никогда не увидит.

График его жизни стал более плотным, что верно, то верно, и он с этим смирился. Но на некоторые вещи нужно выделить больше времени. У сестры сын, которому еще двух лет нет, а Райлан его видел лишь однажды после Рождества. И он не давал матери достаточно времени быть с детьми или им с нею. Это будет исправлено.

И еще – Дуом. Как он теперь будет жить один в этом большом доме? Райлану придется постараться, как следует постараться уделить время тому, кто уделял ему свое.

Так как время – вещь важная, он сел за чертежный стол. Пес стал обнюхивать помещение с парой скрипучих расшатанных кресел, старым спящим холодильником, набитым колой и энергетиками, с огромной доской, куда прицепляли эскизы и записки, зеркалом, где сверяли выражения лиц. Семейные фотографии в рамках. Персонажи комиксов. Фикус в горшке, который Райлан постепенно убивал.

Он развернул в две страницы подписи на экране рабочей станции – некоторые уже были выполнены в чернилах. Он писал, пересматривал, дополнял строчки действия, приводил все рисунки к единообразию.

Можно было эту работу делать в цифре, но Райлан предпочитал выполнять ее вручную. Точно так же, как предпочитал собственноручно чертить и раскрашивать. Он понимал, что с ростом компании от этого, быть может, придется отказаться, но держался за это удовольствие, пока была такая возможность.

Когда Джаспер затих, прилег с жевательной костью и любимыми игрушечными котятками, Райлан взялся за инструменты – и ушел в работу.

Какая-то часть мозга фиксировала внешние события: начинался рабочий день, на открытых лестницах звучали голоса, стучали шаги. Запах кофе, чьего-то горелого бейгеля.

Но работа с Человеком Никто спорилась. Девушку, в которую он был влюблен, заманил в опасную ловушку злодей-ловелас, Мистер Учтивость.

И Райлан сидел, работал, улучшал, оживлял панели льющимся в окна солнцем.

Темно-белокурые волосы выбились из-за ушей. Лорили сказала бы, что давно пора постричься, но ей нравилось играть с этими волосами, когда они лежали вдвоем. Райлан сегодня утром забыл побриться, и впалые щеки покрывала суточная щетина.

Глаза его оставались внимательными, сосредоточенными, хотя губы стали изгибаться, когда он смотрел, как его главный персонаж набирает глубину.

Он не обратил особого внимания, услышав быстрый звук шагов на лестнице, но Джаспер гавкнул и вскочил.

Райлан оглянулся и увидел вбежавшую Бик с развевающимся хвостом из дредов с красными кончиками.

– А, Бик, привет. Буду рад, если забереешь Джаспера. Мне надо тут закончить...

– Райлан! – голос ее прервался, ей пришлось перевести дыхание. – В школе стрельба. В школе у Лорили.

Он почувствовал, как мозг онемел и не воспринимает ничего.

– Что?

– Джоджо в комнате отдыха включил телевизор, и только что объявили. Школа изолирована. Оттуда вышел какой-то мальчик. Говорит, что там два, как минимум два стрелка. Райлан...

Он уже был на ногах, летел к двери. Джаспер попытался его догнать, но Бик перехватила пса, удержала.

– Нет, ты останешься.

Райлан слетел вниз по лестнице и едва не сбил Джонаса, второго своего партнера, который ждал внизу.

– Я тебя отвезу.

Райлан не стал возражать, не замедлил шага. Прыгнул в ярко-оранжевую «мини» Джонаса.

– Давай быстрее.

– С ней все в порядке. – Обычное спокойствие-при-всех-условиях Джонаса ничуть не сбилось, когда он бросил машину в разворот задним ходом. – Она соображает. И тренировки эти проходила не раз.

Райлан его едва слышал, едва слышал собственные отчаянные мысли – так колотилось у него в ушах собственное сердце.

Верх у «мини» был опущен, навстречу летел весенний воздух. Разворачивались на деревьях нежные листочки, танцевали на ветру пленительные цветы всех оттенков. Он ничего этого не чувствовал и не видел.

Видел только лицо Лорили, когда она улыбнулась перед отъездом.

– Который час?

Он замер, глянув на часы и увидев, что три часа прошло, как он сел работать.

Значит, Лорили должна была быть на уроке, в классе, перед первым перерывом на ланч. В классе – это хорошо. Он знал порядок действий не хуже, чем она, потому что она заставляла его все это репетировать, крича, что это необходимо.

Запереть дверь класса, загнать детей в шкаф-кладовую, сохранять спокойствие и тишину.

Укрыться и ждать прихода полиции.

Первый шок начал проходить, Райлан вытащил телефон. Она отключала звонок на время уроков, но вибрацию почувствует.

Звонок был переведен ее жизнерадостным голосом на голосовую почту, и Райлан почувствовал, как к горлу подступает что-то вроде тошноты.

– Она не отвечает. Не отвечает.

– Телефон на столе оставила наверняка. Мы уже почти на месте, Райлан. Почти на месте.

– На столе.

Он заставил себя в это поверить – хотя в порядок действий входило иметь при себе средства связи.

Он увидел ограждения, машины полиции, «Скорые», телевизионщиков, обезумевших родителей, перепуганных супругов, примчавшихся сюда, как и он.

Из машины он выскочил еще на ходу.

До школы оставалось полквартила – красный кирпич, солнце блестит на оконных стеклах, земля в весенней зелени.

Копы, много копов. И даже с такого расстояния видно разбитое окно.

– Моя жена! – сумел сказать он, ухватившись за перила полицейского ограждения. – Лорили Уэллс, учительница рисования. Она там.

– Мы вынуждены просить вас подождать здесь, сэр, – спокойным бесцветным голосом ответил полицейский в форме. – Наши люди уже в здании.

– Райлан!

Он заморгал навстречу бросившейся к нему женщине. Мысли прыгали от ужасающей ясности к внезапным провалам.

– Сюзанна!

Да, он ее знал, конечно. Они у нее дома были в гостях, а она с мужем – Биллом, Биллом Мак-Инерни, учителем математики, шахматным гуру и отчаянным болельщиком «янки» – были в гостях у Райлана и Лорили.

Она обвилась вокруг него, эта женщина, пахнувшая травой, землей, мульчей. Садовница, вспомнил он в следующую вспышку ясности. Страстный садовод, живущий практически рядом со школой в доме в стиле ранчо с большим задним двором.

– О боже, Райлан! У меня был выходной, в саду работала. Стрельба. – Она затряслась, и он чувствовал каждое ее движение. – Услышала стрельбу. Но я не думала, я просто не думала. Никогда же не думаешь, что это может случиться здесь, прямо в нашем дворе!

– Ты с Биллом говорила? Смогла связаться с ним?

– Он мне написал. – Она отодвинулась, вытерла слезы. – Сказал, что он и его ученики в безопасности, чтобы я не волновалась. – Она снова крепко закрыла глаза руками, потом опустила руки. – А Лорили?

– Не отвечает.

Он вытащил телефон – попробовать снова.

Загремели выстрелы. Как шутихи. Как ракеты. Как ужас. Каждый выстрел пролетал через его сердце острым, смертельным ударом. Вокруг вопили, плакали, кричали.

Люди цеплялись друг за друга, Сюзанна крепко схватилась за Райлана. Рука Джонаса лежала на плече призрачным весом. Здесь, но не здесь.

Потому что мир вдруг остановился. И в пустоте слышалась только жуткая тишина.

Потом он увидел полицейских, которые выводили цепочкой детей, и дети держали руки на голове. Дети плакали, у некоторых была кровь на одежде.

Он слышал, как родители, плача, зовут их по именам. Видел, как спешат в здание парамедики.

Шум, слишком много шума заполнило вдруг эту пустоту, будто ревущий вопль в голове. В этом реве трудно было разобрать слова.

Стрелявшие обезврежены.

Ситуация под контролем.

Много убитых, много раненых.

– Билл! – Сюзанна высвободилась, смеясь и плача. – Билл, вот он, Билл!

Родители обнимали детей, супруги вцеплялись друг в друга. Парамедики вывозили носилки, «Скорые» уносились прочь под вой сирен.

Он не сводил глаз с дверей, откуда в любой момент могла выйти она. Она к нему вернется.

– Мистер Уэллс!

Эту девочку он знал – из учениц Лорили. Он пару раз в год приходил показать свою работу и рассказать, как графический роман или комикс проходят путь от зарождения до исполнения.

Она была невероятно бледна, и белая кожа казалась еще блее на фоне красных потеков. Женщина – видимо, ее мать – обнимала ее за плечи, и у нее на глазах тоже были слезы.

Совершенно непонятно, как на ум так ясно пришло ее имя.

– Кэролайн! Ты же ученица Лорили, миз Уэллс! Где...

– Мы услышали выстрелы. Были в классе, услышали, что там стреляют и... и смеются. Они смеялись и стреляли. Миз Уэллс велела идти в кладовую, как на учениях. Быстро и тихо. А она пошла запереть дверь в класс...

– Она еще там?

– Мистер Уэллс, она пошла запереть дверь, а он прямо там упал. Роб Кейлер, я его знаю. У него текла кровь, и он упал, а она – миз Уэллс, – она его стала затаскивать внутрь, помогать войти. И тут он... – Слезы текли по ее лицу, такому юному, такому нежному, еще даже в следах подростковых угрей. – Это был Джейми Хэнсон. Я его тоже знаю. Это был Джейми, и в руке у него был пистолет, а она – миз Уэллс, – она... она... она бросилась сверху, накрыла Роба собой. Я видела. Дверь еще не закрыли до конца, и я видела. А он... мистер Уэллс, мистер Уэллс, он ее застрелил. Застрелил.

Она рыдала неудержимо, бросилась к Райлану, приникла.

– Он стрелял и стрелял, и стрелял, и смеялся, и пошел дальше. Просто пошел.

И больше он ничего не слышал. Ничего. Потому что мир его кончился в этот ласковый весенний день с небом до того синим, что сердцу больно.

Глава 8

Ее называли героиней. Мальчик, которого она закрыла своим телом, десять дней провел в больнице, но выжил.

Никто из учеников ее класса физически не пострадал. Но раны сердца, души, ума заживут у них лишь через много лет. Если заживут.

Двое мальчишек, шестнадцати и семнадцати лет, злясь на весь мир, плюя на собственную жизнь, в этот светлый майский день лишили жизни шестерых человек.

Пять из них были их одноклассниками.

Еще одиннадцать они ранили.

Разбитые жизни, горе детей, потерявших родителей, братьев и сестер, детскую наивность, вечное горе родственников, которое будет только расти.

Оба стрелка погибли при штурме.

Эдриен сама еще горевала, сидя за бабушкиным столом и выбирая из ее набора бумаги для писем.

Она послала бы цветы, но цветы завяли бы.

Через неделю после двух горестных смертей она написала Райлану:

Дорогой Райлан!

Нет слов, чтобы передать, как я тебе сочувствую. Я знаю, что твои мать и сестра сейчас с тобой, и надеюсь, что это как-то смягчит горе.

И мне очень жаль, что я не могла приехать на отпевание Лорили, потому что не могу сейчас оставить деда.

Она была одной из самых красивых эсенин, из самых красивых людей, что я встречала в своей жизни. Я не очень хорошо ее знала, в основном по переписке, но ее жизнерадостность, ее доброта, ее любовь к тебе и к вашим детям так ясно были видны.

Мир потерял ангела.

Конечно, пустые слова – «дай мне знать, если есть хоть что-то, хоть что-нибудь, что я могу для тебя сделать». Но я их говорю от всего сердца. Чтобы это пережить, пройти через это горе, я говорю себе, что Нонна и Лорили сейчас хранят друг друга.

И нас. Тебя, ваших детей и меня.

Потому что такова была их суть.

Есть люди, которые оставляют после себя в наследство доброту. Твоя Лорили и моя Нонна были именно такими.

С глубоким сочувствием,

Эдриен.

Она взяла это письмо и то, которое написал дед, и вышла на веранду, где сидел Дуом.

– Поупи, пошли покатаемся. Надо отправить эти письма, и давай заодно в ресторан заедем, посмотрим, что там делается.

Он улыбнулся и покачал головой.

– Давай не сегодня, детка. Завтра, наверное.

Он это говорил каждый день.

Она подошла, села рядом на соседний стул – на бабушкин. Положила ладонь на руку деду.

– Джен и Майя возвращаются на следующей неделе. По крайней мере, рассчитывают вернуться.

– Бедный мальчик, бедные дети. У меня с Софией была целая жизнь, а у них – мгновенье. Джен может оставаться с ним, сколько ему будет нужно.

– Она знает.

Он повернул руку, похлопал ее по руке.

– Тебе нужно вернуться к своей жизни, Эдриен.

– Выставляешь меня за дверь?

– Никогда. – Он сжал ее руку. – Но тебе нужно вернуться к своей жизни

– Прямо сейчас я должна выполнить несколько поручений. Хочешь сэндвич из багета с мясом? Можно пополам.

Она специально предложила его любимое, но он лишь рассеянно потрепал ее по руке:

– Мне все равно, как скажешь.

И это он тоже повторял практически каждый день.

Эдриен, вставая, поцеловала его в щеку.

– Я всего на час, не больше.

– Не торопись.

Но она торопилась. Ей не хотелось оставлять его сейчас надолго. Он казался слишком хрупким, слишком беспомощным.

По дороге в город она опять перебирала все варианты и понимала, какой нужно выбрать.

И на самом деле она с самого начала знала, какой выбор сделает.

Заехав на парковку возле «Риццоз», она вышла на почту отправить и открыть почтовый ящик. Это означало разговор с почтмейстершей – тяжелый разговор, потому что та спросила про Дуома.

Оттуда Эдриен пошла на Мейн-стрит, потом к «Фарм-Фреш» за квартой молока, дюжиной яиц – тут еще один разговор. Полный бакалейный обход ей был не нужен – люди принесли и продолжали приносить еду мешками.

А дедушка ел слишком мало.

Она взяла немножко варенья из лесной малины, надеясь, что обильный завтрак, который она собиралась приготовить утром, деда соблазнит.

И прихватила лавандово-соевых свечей в надежде, что они помогут успокоить тревожные мысли в утренней медитации.

Вернулась к машине – еще один разговор на переходе, пока горел красный.

Уложила яйца и молоко в кулер, остальное затолкала в багажник и вошла в суматоху обеденного часа в «Риццоз».

Вошла она через задний вход, не зная, на сколько еще разговоров ее хватит. Пахло чесноком и специями, кислотой уксуса. Эдриен, петляя среди столиков, вышла в главный обеденный зал с открытой кухней, в шум разговоров, стук тарелок, лязг ножей на разделочных досках.

От соусов, булькающих на большой плите, шел пар. Стукнула дверь кирпичной печи, когда повар вытащил очередной пирог.

– Эдриен, привет! – Барри зачерпнул соуса, полил пузырящийся пирог. Долговязый, совиноглазый и верный Барри работал у Риццо со школьных лет. Прошло четыре года, и вот он тащит на себе заведение, пока Джен – ныне менеджер – утешает сына, а Дуом в трауре. – Как оно там? Как наш босс?

– Нормально. Все пытаюсь уговорить его подкрепиться мясным сэндвичем. Когда представится шанс.

– Не вопрос. Я знаю, как старик его любит. Присядь. Выпьешь чего-нибудь или съешь?

– Нет, спасибо. Я возьму... – Она хотела было сказать «воды», как ей уже давно было свойственно, но сообразила, что и ей можно бы подкрепиться. – Мне колы. И еще мне нужно в офис зайти на пару минут, если ты не против.

– Не вопрос, – повторил он. – Скажи Дуому, что его тут сильно не хватает.

– Скажу.

Она налила себе шипящей колы, добавив приличное количество льда.

Офис представлял собой комнатку в глубине здания, где возле большой раковины работала посудомойка, стояла – сейчас без дела – тестомешалка и пробегала раздатчица прихватить что-то из кулера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.